

Георгий Ланской

Фортуна – дама капризная. Сегодня грязь – завтра князь, сегодня пан – завтра пропал. Именно об этом романы талантливого писателя и журналиста Георгия Ланского. Оторваться от чтения невозможно!

Ваш Олег Рой

ПО ЗАКОНАМ ЗВЕЗДНОЙ СТАИ

Георгий Ланской

По законам звездной стаи

«Автор»

2013

Ланской Г. А.

По законам звездной стаи / Г. А. Ланской — «Автор», 2013

Москва неласкова к незванным гостям. Егору – начинающему журналисту, приехавшему из провинции, чтобы покорить столицу, – предстоит почувствовать это на себе. Однако судьба сводит его с разными людьми, среди которых Дима Белов – никому не известный певец, будущая звезда Евровидения; продюсер и создатель звезд Люксенштейн; знаменитая ведущая и светская львица Акси́нья Гайчук и многие другие деятели шоу-бизнеса. Чтобы жить среди них, Егору придется понять и принять законы, царящие в этом мире, а это будет вовсе не легко.

© Ланской Г. А., 2013

© Автор, 2013

Георгий Ланской

По законам звездной стаи

Небо было серым.

Егор задрал голову и посмотрел вверх, надеясь найти в комковатых тучах брешь, но они спрессовались монолитом, угрожая пролиться дождем.

Егор поморщился.

К зданию столичной газеты нужно было ехать через весь город. Редактор накануне предупредил, что реальный шанс застать его есть только утром. Пришлось подниматься ни свет ни заря, трястись в маршрутном такси, пристроившись на неудобном месте за спиной водителя, бесконечно передавая деньги за проезд.

Москва гостям не рада. Манящие витрины, красивые авто, дорогие безделушки, вывески баров и ресторанов – это не для приезжих. Точнее, не для тех, кто подается в столицу за длинным рублем. Москвичи традиционно презирают «гастролеров», тщательно пряча собственную сиволапую биографию выходцев из захудалых провинциальных городков. Теперь они – москвичи, старательно тянущие звук «а» в словах...

Столица смотрела на людей сверху вниз, давила авторитетом высоток и шпилей: от Останкино до МГУ. Даже на лицах монументов, старых и новых, сквозило одно и то же выражение – высокомерного снисхождения к мелким букашкам, торопливо подбиравшим крохи царской жизни одного из самых дорогих городов планеты.

Надменность и спесь города, закованного в асфальтовые латы, сползала с лиц его жителей только в вагонах метро. Там, внутри мраморного склепа станций, великолепия социалистического пафоса, люди теряли облик подлинных москвичей в десятом поколении. Движения становились торопливыми, глаза воровато рыскали по углам. Но настороженность спадала, стоило только ввалиться в вагон и занять пустующее место. Если, конечно, повезет...

Миг – и бушующий в крови адреналин застывал, превращая кровь в вялотекущее желе. Миг – и колючие глаза подергивались мутноватой пенкой усталости...

Москва по утрам – проклятие. Два часа на дорогу туда, столько же обратно. Воздух влажный и липкий, словно сахарная вата. Каждая поездка – лотерея: получится ли занять «блатное» место в маршрутке рядом с водителем, не окажется ли сосед по метро вонючим бомжом, от амбре которого нет спасения, сколько ни утыкайся носом в надушенный «Диором» шарфик. В руках – томик детектива в мягкой обложке или «Известия». Для несерьезной публики – сплетни желтых газет с манящими заголовками: кто-то бросил эстрадную диву, и она ушла в запой, на другой странице – модный стилист, упорно считающий себя звездой, обматерил стюардессу. По мнению стилиста, «это было круто», челяди требовалось «указать место». В ушах настойчиво крутится мелодия из болтающегося на груди плеера, что-то там про запах бензина и дорогих духов. Певец надрывается, но даже его децибелы заглушает мягкий женский голос: «Осторожно, двери закрываются. Следующая станция – «ВДНХ».

Но выходить еще рано, можно подремать полчаса.

Утренние пассажиры похожи, как близнецы. Свежевымытые лица расплываются квашней, глаза мертвы, как у рептилий: когда встаешь в пять, мечтаешь только о сне, неважно на чьем плече. Утренние пассажиры молчат, у них еще нет сил на разговоры. Метро – обманка, крадущая твою жизнь. Два часа туда, два часа обратно, садишься в поезд на Кольцевой молодым, неоперившимся юнцом – выходишь седым, пыльным и никому не нужным старикашкой. Московское метро – монстр, скалящийся в улыбке.

В Новосибирске метро было другим: всего-то из двух веток, и не выглядело мавзолеем, где находят вечный покой усопшие вожди. Однако от этого новосибирский метрополитен не казался более живым. Суета, царившая в московской подземке, Егору даже понравилась. Рас-

стояния совсем не пугали. Родной сибирский город был таким же вытянутым, с гигантскими провалами между остановками маршруток и автобусов. Новосибирск был джунглями – таежными. Островки сосен делали его уютнее, чище, и если бы не летняя мошка, заставлявшая всех от мала до велика мазаться репеллентами, он был бы великолепен. Москва же – джунгли каменные, как ни избито звучит эта фраза. Город, не верящий слезам и никогда не спящий...

Если, конечно, верить кинорежиссерам и диджеям.

Сидя в кабинете главного редактора, Егор почти не нервничал. Переживать по поводу работы не хотелось. Получится – хорошо, не получится – дело житейское. Есть еще пара вариантов, и, наконец, надежный тыл в лице папеньки. Правда, к нему так не хотелось обращаться...

Свое решение променять родину на столицу Егор принял еще в институте. Ежедневно возвращаясь домой из Академгородка, через сосновый лес, он мечтал, что после того, как получит диплом, уедет поближе к «цивилизации». В столице все сразу становились «звездами»: и никому не известный политик, и юная певичка, и даже одна очень яркая кавээнщица, удачно вышедшая замуж за такого же веселого и находчивого. Этот семейный тандем смешил людей с экранов вот уже несколько лет. Егор объявил матери о своем решении уехать в Москву.

– Отдохнуть? – не поняла мать.

Егор вздохнул.

– Работать, мама. Я хочу переехать туда совсем.

Мать, терзавшая спицами вязание, посмотрела на сына холодным взглядом. Зная Егора как облупленного, она даже не подумала возражать, ее поза говорила: «Ты все равно сделаешь так, как хочешь. Но я заставлю тебя пожалеть. Рано или поздно».

– Москва – большой город, – наконец, произнесла она. – Развращающий. Разве здесь тебе плохо? Ты можешь пойти работать на телевидение или в местную газету. На курсе ты был одним из лучших...

Казенность фраз отдавала холодом. Мать была слишком правильной, как будто провела в казарме всю жизнь, затянута в сбрую португеей. По сути, так и было. Больше двадцати лет мать отработала в школе учителем русского языка и литературы, прививая единственному сыну любовь к Цветаевой и Пастернаку. Получалось так себе. Чрезмерно живой Егор предпочитал приключенческие романы, а отнюдь не поэзию Серебряного века. Даже самой себе мать не решалась признаться, что в этом он пошел не в отца, а скорее унаследовал ее гены. Ведь в двадцать лет она с готовностью бросилась в авантюру, именуемую браком...

Супружество юной студентки пединститута и рабочего металлургического завода закончилось столь же стремительно, как и началось. Он, по слухам, закрутил роман с другой, а она, поплакав, гордо подала на развод, в глубине души считая себя не то Катериной из «Грозы» Островского, не то Анной Карениной – словом, персонажем трагическим, с надломленной судьбой. Годовалый Егор остался с матерью, присутствие в его жизни отца, неожиданно сменившего спецовку на пиджак и галстук бизнесмена, ограничивалось алиментами. Вскоре отец женился на другой и переехал в Москву. Контакт с бывшей женой не поддерживал, сына в гости пригласил лишь однажды, и как-то неубедительно, с днем рождения не поздравил ни разу – даже открыточки не прислал, хотя там, в Москве, купался в роскоши...

Егор отца не осуждал. Почему он должен винить почти чужого человека за нежелание оставаться в семье? В глубине души он и сам прекрасно понимал, что жить с такой женщиной, как его мать, невозможно. Наверное, она изменилась после развода, но почему-то Егору казалось, что брак родителей изначально был обречен. Мать всегда казалась Егору скучной, серой, навеки застрявшей в развоплотившемся совке. Рассказы о том, какой она была в молодые годы, казались Егору нереальными. Но сейчас, говоря о своем желании перебраться в Москву, он отчетливо понимал, почему фразы матери звучат так холодно и отчужденно.

– Надо поставить отца в известность, – негромко произнесла она. – Все-таки родная кровь. Тебе будет трудно первое время...

«Дрянной мальчишка, я заставлю тебя пожалеть. Ты бросаешь меня, как бросил твой папаша. Но ты никуда не денешься. Рано или поздно приползешь обратно, когда Москва перемелет тебя и выплюнет».

Вот только Егор не намерен был возвращаться.

Поэтому он смело улыбнулся грузному мужчине, читавшему его резюме.

С того момента, как Искандер дал объявление о приеме на работу штатного журналиста, прошла всего пара дней, а желающих набежало столько, что впору было открывать приложение. Скажем, «Желтуху-2»... Или – «Возвращение «Желтухи». Звучит, конечно, дико, словно название фильма-катастрофы о воцарившейся на планете эпидемии, после которой все будут похожи на китайцев, щуриться, бить поклоны и таскать над головой разноцветные зонтики... Шут их знает, этих китайцев. Может быть, они и правда в давние времена перенесли экзотическое заболевание, вознесшее нацию монголоидов на иной уровень.

Соответствовать заявленным редакцией «Желтухи» требованиям почему-то смогли немногие. Казалось бы, чего проще: пиши материалы о звездах эстрады, с удовольствием предоставляющих информационные поводы нелепыми выходками. Нет повода – придумай, спровоцируй! Разведи «звезду» на скандал, выстави в глупом свете, покажи, что артист по своей сути – продажная шлюха, готовая ради рекламы на все!

Все пиар. Кроме некролога. Хотя...

Маститые журналисты в «Желтуху» не шли. Формат не тот, размаха нет, с заданием школьник справится, если сумеет пробраться мимо зазевавшихся секьюрити на светскую вечеринку. Умеешь складывать слова? Добро пожаловать! При условии, конечно, если ты эти слова подкрепил фотографией знаменитости, где та зевает, упала рожей в салат, кутается в одеяло, застигнутая в постели другой «звезды». И будет тебе почет, слава и скромный гонорар. Может быть, даже карьеру сделаешь, будешь вести собственную колонку. Но сперва докажи, что можешь работать.

Отсеивать шелуху Искандер научился давно. Всем претендентам дал одно и то же задание. Сын известного актера Олега Михайлова – Ефрем – в очередной раз разводился. Делал это он с завидной регулярностью. В анамнезе числились не то пять, не то шесть жен. Последняя супруга уходила с громким скандалом. Ефрем напился в хлам, гонялся за супругой с топором и даже бросил в нее не то чайник, не то пепельницу – тут свидетельские показания расходились. В итоге оба Михайловых оказались в больнице. Супруга – с гематомой, Ефрем – с «белочкой».

После семейного скандала супруга появилась в суде с обширным фингалом, потребовала раздела имущества и охотно поведала журналистам о тяготах семейной жизни. Ефрем прессу не жаловал, с завидным постоянством спуская журналистов с лестницы, разбивал фотоаппараты, отнимал диктофоны. Развод он не комментировал, чем только раззадоривал акул пера и гиен ротационных машин, ведь, по их мнению, у Михайлова было что отсудить. Ефрем, несмотря на беспробудное пьянство, снимался везде, где только мог, не брезгуя даже эпизодами, а съемочный день маститого представителя династии Михайловых оценивался в десятки тысяч долларов. На это, по слухам, супруга и позарилась, когда выходила за него замуж.

Суд был закрытым, поэтому вывести, удалось ли Ефрему отстоять свои деньги или все же пришлось откупаться от супруги, борзописцы не смогли. Экс-жена Михайлова исчезла из Москвы, а сам он интервью не давал. Молчал и ближайшее окружение актера. После развода Михайлов традиционно запил, сделав паузу в напряженном съемочном графике, на тусовках не появлялся и даже кинофестиваль, куда слетелись сливки киношного общества, проигнорировал.

Искандеру об этом было прекрасно известно. Поэтому он и отправлял на охоту за Михайловым претендентов на вакантное место. Судя по отсутствию звонков, Ефрем был недосягаем.

Егор на редактора особого впечатления не произвел. Да, хорош собой, одет сдержанно и неброско. Свежий цвет лица, чистые волосы и ногти. Ни тебе дикой шевелюры, ни педерастической сережки в ухе, ни тату с хвостатыми драконами. Хоть сейчас бери и отправляй на телеканал «Культура» вещать о влиянии Шнитке на мозг молодого питекантропа. Разве такой сможет добыть скандальные подробности? Здесь нужна пиранья, барракуда...

Где, скажите на милость, редактору желтой газеты взять талантливого и хваткого, когда вокруг томные и нерешительные? Вот и этот... Явился аж из самого Новосибирска, едва только регистрацию получил, опыта нет, а туда же!

– Значит так... Егор, – сказал Искандер, заглянув в резюме. – Мне расслаживаться некогда. Сейчас пойдешь в триста пятнадцатый кабинет, найдешь там Настю Цирулюк, объяснишь, что пришел от главного, и попросишь дать контакты Михайлова. Поедешь к нему, возьмешь интервью.

– На конкретную тему? – уточнил Егор.

– На конкретную. Как он чувствует себя после развода? Что отсудила жена? Как он дальше намерен жить? Фотоаппарат есть? Отлично... Сдать материал нужно послезавтра. Лично можешь не приходить, вот моя визитка, кинешь статью на электронный ящик. Если справишься, возьму в штат. Вопросы есть?

Егор улыбнулся и отрицательно покачал головой.

– Вот и отлично. Дуй к Настасье, она тебя научит уму-разуму.

Егор поднялся. Искандер подумал: сейчас протянет руку для пожатия! Но Егор лишь кивнул и пошел к дверям.

Редактор фыркнул: дилетант... Даже не сделал попытки установить личный контакт!

Светский хроникер Анастасия Цирулюк оказалась молодой пышногрудой девицей лет двадцати, в стильных квадратных очках, с пергидрольными волосами, стянутыми в замысловатый узел. Одной рукой она удерживала телефонную трубку, во второй – огрызок груши. Настя жевала и одновременно чирикала по телефону, снисходительно объясняя невидимому собеседнику, как ему выгодно предоставить информацию именно ей.

– Я понимаю, что у вас есть договоренность с «ТВ-лайном», но у него тираж на двадцать тысяч меньше. Подумайте, насколько будет выгоднее для Антуана дать эксклюзивное интервью нам... Нет... нет... Ну, что вы, какие деньги, о чем вы говорите?... Что у вас? – спросила Настя быстрым шепотом у Егора.

– Я от главного, – улыбнулся Егор, закатив глаза к потолку. – Мне нужна Анастасия. Это по поводу Михайлова.

– Практикант? – презрительно осведомилась Настя и ткнула рукой с огрызком в сторону заваленного бумагами кресла. – Сядь пока, я сейчас закончу... Нет, нет, это я не вам... Послушайте, вы меня, конечно, простите, но ваш Антуан – еще пока никто, и в нашей власти вознести его либо утопить. Вы хотите войны?

Что сказал невидимый собеседник, Егор не услышал, однако щеки Насти мгновенно налились кровью, а глаза заматали молнии. Она сжала губы и, выслушав тираду с другой стороны линии, сладко промурлыкала:

– Ну, дело ваше, уважаемый. Лично я со своей стороны могу гарантировать, что «Желтуха» никогда не возьмется за раскрутку вашей псевдозвезды. Успехов на музыкальном Олимпе!

Настя швырнула трубку на стол и, облокотившись на столешницу, угрюмо уставилась вниз, запустив пальцы в волосы. Егор решил напомнить о себе, тактично кашлянув. Настя подняла глаза.

– Тебе чего?

– Главный, – напомнил Егор. – Михайлов. Контакты.

– А, понятно... Свежее мясо. Ладно.

Настя потянулась к растрепанному ежедневнику и сосредоточенно зашуршала страницами:

– Так, где у нас «К»?.. Кабанов, Казанцев, Колыванов... Лукьянов, Ларисочка... А, вот Михайлов. Записывай телефон.

– А почему на «К»? – удивился Егор, достав мобильный.

– Потому что я туда всех козлов записываю, а Михайлов – тот еще гоблин. Знаешь, сколько я с ним намучилась? Помню, поймала его в Юрмале, на презентации, затащила в укромный уголок, а он, козлиная морда, начал лапать. По сусалам бы ему дать, да интервью было нужно. Развела его, как лошару, правда, пришлось переспать с ним, зато материал получился хай-класс...

В голосе Насти почему-то не было особого огорчения, скорее гордость и легкое презрение: не то к Михайлову, которого ей удалось развести, то ли к Егору, которому, как пить дать, не удастся этот финт.

– Можешь отсюда позвонить, – милостиво разрешила Настя, подвинув трубку к Егору.

Пока тот набирал номер, Цирулюк сосредоточенно рассматривала парня в упор.

Хорош. Брюнетист, длинноног, ресницы – любая девчонка умрет от зависти, глаза чернющие, с бесенятами, играющими в чехарду. На свежевыбранных щеках синева, наверное, бриться приходится дважды в день. Мачо, блин. Прибрать бы такого к рукам, да вот беда: это будет его первое и последнее задание на должности репортера «Желтухи», потому что Настя как-то позабыла сказать, что Михайлову ни в коем случае нельзя звонить ни домой, ни на мобильный. Не любит он незнакомых голосов, неизвестных телефонов, а журналистов так просто ненавидит.

– Ефрем Олегович? – осведомился дозвонившийся с третьей попытки Егор. – Доброе утро. Вас беспокоят из газеты «Желтуха». Не могли бы вы...

Егор растерянно замолчал и несколько раз моргнул, как расстроенный ребенок. Настя с удовольствием наблюдала за ним.

– Послал? – удовлетворенно спросила она. Скорее даже, констатировала.

– Послал.

– Далеко?

– Да как тебе сказать... – Егор усмехнулся, но в глазах стояли обида и разочарование. – Маршрут, похоже, тебе давно известен. И что теперь? Где его искать?

– Ну, попробуй в театре, там его проще поймать, – глубокомысленно посоветовала Настя, решив не предупреждать неоперившегося юнца, что в театр без предварительной договоренности с Михайловым его никто не пустит.

– А где он играет? – спросил Егор.

Настя вскипела:

– Слушай, я дала тебе контакты? Все! Поищи информацию в Интернете, газеты почитай. Что я тебе, справочное бюро? У меня своей работы хватает!..

Словно в подтверждении ее слов телефонная трубка противно запиликала. Настя схватила ее и демонстративно развернулась вместе с крутящимся креслом спиной к Егору:

– Да, Искандер Давидович... Нет... Нет, не звонила еще. Точнее, звонила, но у них никто не снимает трубку. Да, конечно. Продюсер Антуана обещал связаться со мной еще вчера...

Егор тихо фыркнул. Настя высунула голову из-за спинки кресла и помахала ладошкой: выкатывайся! Егор шагнул за дверь и, притворяя ее, услышал:

– Да, я все ему отдала... Нет, не думаю. Сама слышала, что Михайлов его послал. Вряд ли справится. По-моему, он безнадежен...

Егор стиснул зубы. Безнадежен? Хорошенькое дело...

Какая-то соплячка будет делать выводы и черкать резолюцию на личном деле!

Безнадежен. Не может выполнить простейшие задания. Езжай-ка ты на родину, парень, к мамочке под крыло! Устроишься в местную газету с романтическим названием «Гудок», будешь писать вдохновенные репортажи о буднях железнодорожников и комбайнеров, ходить на открытие новых дворцов культуры и, если повезет, станешь собкором новосибирского «Московского комсомольца». Почему «Комсомолец» новосибирский, если он московский?!.

Или пойдешь преподавать в вуз – обучать первокурсников основам журналистики, как неудачники, получившие дипломы, но не проработавшие в профессии ни единого дня. И однажды проснешься на кафедре в окружении курсовых и дипломных работ, осознав, что Пулитцеровскую премию тебе никогда не дадут, в пресс-службу губернатора не пристроят, вести «Новости» не доверят... А все из-за девицы с жирными волосами, которая написала в твоём резюме «безнадежен». Шаг вправо, шаг влево – попытка побега, прыжок – попытка улететь. Уезжай домой, продолжай кормить гнус своей кровушкой, парень. Столица не для тебя...

Егор, проигнорировав лифт, вышел на лестничную клетку. Лучше всего думалось на ходу. Пара километров, и он будет в порядке. Пролетом ниже стоял парень, курил и разговаривал по мобильному с нарастающим напряжением.

– Я для кого старался? – шипел он в трубку, искоса глядя на спускающегося Егора. – Через весь город перся, в очереди стоял... А ты теперь, видите ли, не можешь? Сегодня летний кубок, такие монстры КВН соберутся... Да, перся! И в очереди стоял!

Парень судорожно затянулся и яростно выдохнул дым:

– Дело твоё. Можешь не ходить. Я твой билет загоню первому встречному, а сам пойду на игру и буду веселиться. Пока. И не звони мне больше!

Егор осторожно обошел парня. Тот отвернулся и уставился в пыльное стекло, засиженное мухами. Егор тоже глянул: ничего интересного, стеклопакет от пола до потолка, наверху змеится трещина. Сквозь коричневую тонировку видна улица, несущийся поток машин, редкие островки деревьев, суетливые пешеходы. Парень вздохнул так, что Егору на мгновение стало его жалко. Какие все-таки бабы стервы, вроде той, что сидела в кабинете, трескала фрукт и тыкала ручкой в продавленное кресло...

В голове Егора вдруг что-то тренькнуло. Он резко остановился на ступеньке, уже подняв ногу для очередного шага. Ну, конечно же! Развернувшись, он подошел к нервно оглянувшемуся парню.

– Извини, братан, – доверительно сказал Егор, вложив в улыбку все обаяние. – Я слышал, у тебя есть лишний билет на сегодняшнюю игру?

Решимость, бурлившая в крови, куда-то испарилась, едва только Егор оказался внутри Дворца молодежи. Предусмотрительно явившись почти за час до начала, Егор долго и нудно доказывал, что он на работе, махая красными корочками с надписью «Пресса». То, что прекрасно работало в Новосибирске, в Москве почему-то не работало. Возможно, потому, что удостоверениями всех мастей торговали прямо в метро? Егор попробовал прорваться с боем. Однако билетеры, поднатеревшие в борьбе с безбилетниками и халаящиками, вытолкали его за двери.

– Так у меня же билет есть, – возмутился Егор.

– Вот через полчаса и подходи А пока – не положено. Хоть что мне покажи...

Выйдя на улицу, Егор сделал шаг назад и наступил в лужу.

Что за день такой?!

Получив от парня на лестнице билет, Егор торопливо поблагодарил и убежал: вдруг переживает?

Времени было еще полным-полно. В ближайшем интернет-кафе он проштудировал биографию Михайлова и даже сделал неудачную попытку прорваться в театр. Дальше билетной

кассы пройти не удалось. Но это почти не расстроило его. Шанс добраться до актера был очень хорошим. Главное – поймать его на концерте. Москва, почти чужая, стылая и неприветливая, вдруг приоткрыла дверь: всего лишь на миллиметр, но этого уже было достаточно для того, чтобы не желать возвращаться обратно. В конце концов, все не так уж плохо. Не каждому приезжему так везет.

Мать все-таки позвонила отцу, холодным и неприветливым тоном сообщив, что «ребенок едет в Москву». Егор стоял под душем, поэтому расслышал лишь финальный аккорд монолога в телефонную трубку. Хотя мать не подавала виду, она явно была в ярости.

– Мне это совсем не нравится, – с деланным безразличием произнесла она после короткой паузы. – Не то чтобы я была против вашей встречи, но вся эта идея с переездом мне не нравится.

Егор замер, прислушиваясь. Тема отца в семье всегда была табу. Мать старалась игнорировать вопросы любопытного сына, пока тот рос, а позже Егор сам научился обходить скользкую тему.

– Саша, я не хочу это обсуждать, – продолжила мать с плохо сдерживаемым раздражением. – Давай не будем ворошить прошлое. Я надеюсь, что Гоша быстро переберется и вернется домой. А ты, как отец, должен внушить ему эту мысль.

Мать ненадолго замолчала, а когда заговорила, в голосе звенела сталь.

– Да, не хочу. Это мой сын, а не твой, понял? Я его растила, воспитывала, я ночами не спала, когда он болел. И я не хочу, чтобы он оставался в доме с твоей проституткой! Представляю, чему она его научит...

Мать снова замолчала. Из динамика несся приглушенный рык. Выждав несколько минут, она припечатала:

– Саша. Ты. Сделаешь. Как. Я. Сказала. Мальчик приедет в Москву, встретишь его, он погостит три дня, а потом уедет обратно. И не вздумай играть со мной.

Трубку мать с такой силой опустила на рычаг, что телефон жалобно пискнул. Очевидно, это был последний выброс адреналина, поскольку мать, мгновенно посерев, безвольно сползла на пуфик и всхлипнула. Егор, наблюдавший за ней в щелочку, сделал шаг назад, преувеличенно громко зашелестел пластиковой шторкой и зашлепал влажными босыми ногами по мокрому кафелю. Мать метнулась на кухню, где столь же демонстративно загремела кастрюлями. Вечер прошел в напряженном молчании, а засыпая, Егор услышал, как она плачет в своей комнате.

Провожая сына в далекую Москву, она не нашла в себе сил даже улыбнуться на прощание. Егор собирался в гробовой тишине, метался по квартире в поисках носков, белья, запасных джинсов и куртки. Мать в сборах не участвовала, хотя куда лучше сына знала, где что лежит. Она стояла в дверном проеме, облокотившись на косяк таким образом, что мечущемуся Егору то и дело приходилось наткаться на нее.

– Думаю, не стоит брать с собой так много вещей, – негромко посоветовала она, увидев, как сын, охнув, приподнял объемную сумку. – Ты же ненадолго.

Последняя фраза прозвучала скорее констатацией факта, чем вопросом. «Ты все равно вернешься домой, ко мне, а я буду ждать и, конечно же, приму заблудшую овечку в стадо, предварительно наказав...»

До столицы Егор добирался в буржуйском комфорте. Не было билетов ни в купейный, ни в плацкартный вагон. Мать не преминула заметить, что он чересчур торопится, и ехать в СВ – непозволительная роскошь, но Егор не стал слушать. В попутчицах оказалась немолодая тетка с легкомысленными кудряшками и пышной грудью. На вторые сутки Егор от скуки рассказал ей о поездке, странном нежелании матери отпускать его в Москву и реакции на разговор с бывшим мужем.

– Ну, а ты чего хотел? – глубокомысленно отозвалась попутчица с прозаическим именем Татьяна. – Они сколько в разводе? Лет двадцать? Ну, вот... Разочаровалась в мужиках, замуж больше не вышла, посвятила себя сыну, а тут он, как предатель родины, сбегает к тому, кто обидел ее много лет назад.

– Так я же не к нему еду, а в Москву, – вяло возразил Егор, обмахиваясь сложенной газетой. В вагоне было душно, окна не открывались, а кондиционер отсутствовал как таковой.

– Ну, это ты сейчас так говоришь. Отец, каким бы он ни был, тебя встретит, хоть на пару дней, да приютит, а там еще неизвестно, может, и насовсем оставит. А мама твоя привыкла, что ты всегда дома, всегда рядом, под контролем и каблуком. Строгая она у тебя?

Егор пожал плечами.

– Строгая?.. Не знаю даже, как сказать... Она, по-моему, на весь мир озлобленная. Заиклена на правильности. Так правильно жить, так неправильно. Есть мораль, есть аморальность. И жить надо, как завещал дедушка Ленин: учиться, учиться и учиться...

– Откуда тебе знать дедушку Ленина? – рассмеялась Татьяна. – Вы уже, слава богу, миновали период, когда его личность была культовой.

– Читал много.

– Вон оно что... Скажи, а с отцом твоим она вообще не общалась?

– Никогда. Во всяком случае, при мне.

Татьяна бросила оценивающий взгляд на Егора и сощурилась.

– Ты одет хорошо, маму твою на вокзале видела. Тоже вроде не в лохмотьях. Твоя курточка приличных денег стоит, я такую своему оболтусу покупала. Это все на учительскую зарплату?

– Отец алименты присылает. Да и я работаю уже второй год в газете, правда, пока на гонорарной основе.

– Отец алименты присылает до сих пор? – удивилась Татьяна.

Егор нахмурился. Странно, но эта мысль не приходила ему в голову. Деньги от родителя регулярно капали на счет, несмотря на то, что сын давно был совершеннолетним, так что папочка вполне мог умыть руки. А он продолжал платить. И, судя по тому, как жила семья, отец платил неплохо.

– Я не знаю, – нехотя признался Егор. – Но, как мне кажется, это не просто так. Не от благородства. И вряд ли им движут отцовские чувства. Мне не понравилось, как она разговаривала в последний раз по телефону. Тон был такой... Властный, жесткий. Как будто она могла ему приказывать. А потом рыдала.

Татьяна ненадолго задумалась.

– Ну, тут много чего может быть, вплоть до давно похороненной измены. Возможно, твой папенька до сих пор чувствует себя виноватым, что ушел, бросив вас на произвол судьбы.

– А она в нем это чувство возвращает, – поддакнул Егор. – Она это умеет. Вроде бы голоса не повысит, и слова все правильные, обтекаемые, как на партсобрании, а жить после выволочки не хочется. Она всю жизнь на меня давила: не бегай, не играй, не водись с плохими, читай умные книги, потому что мультфильмы – это зло, они не развивают... Черт побери, да я до четвертого класса проходил в панамке, потому что бейсболка – это зло, а солнце печет голову!

– Как же ты с этим боролся? – сочувственно спросила Татьяна.

Егор помолчал, уставившись в окно, за которым мелькали столбы и деревья.

– Я научился не слышать. Игнорировать. Запираться. Вроде бы нет ярого протеста, бунта – а итог один. Не слышу, значит, не сделаю. Не хочу носить панамку – не буду. Хочу смотреть мультики – не услышу приказ переключить канал. Хочу пойти купаться – не услышу запрета.

– Неужели она тебя не наказывала?

– Пыталась, но бить ребенка, который не проказничает явно, – непедagogично, а устроить словесную выволочку... С определенного момента это стало бессмысленным, я же их не слушал. По-моему, больше всего в теперешней истории маме не нравится даже не то, что я уезжаю к отцу, а то, что уезжаю из дома без ее согласия. Она не сможет в дальнейшем меня контролировать.

– Думаю, ты прав. Видишь ли, она заиклилась на тебе, сделала смыслом своей жизни. Ведь, если я правильно поняла, мужчины в ее жизни нет?

Егор отрицательно помотал головой

– Ну, вот видишь. Она родила ребенка для себя, понимаешь? Для себя. Воспитала его с учетом своих взглядов, а он возьми и подними бунт, да еще из гнезда выпорхнул! Да еще и полетел к тому, кого она, мягко говоря, недолюбливает. Так что я могу ее понять, сама дважды мама.

Егор улегся на полку и уставился в потолок. Поезд мягко потряхивало, колеса отбивали привычный ритм. Татьяна, видя, что попутчик перестал поддерживать разговор, устроилась на матрасе поудобнее, накрыла ноги простыней и взяла кроссворд.

– Думаю, вы правы, – негромко сказал Егор через пару минут. – Я тут подумал и понял: она отца не просто недолюбливает, а ненавидит. Я ведь не рассчитывал на его помощь. И для меня на данном этапе это грозит определенными сложностями.

– Почему? – удивилась Татьяна. – Встретитесь, поговорите... Может, ты напрасно сейчас паникуешь?

– В этом как раз все дело. Я даже не знаю, как он выглядит. У нас нет ни одной его фотографии.

Вопреки ожиданиям, встреча прошла на уровне.

Может быть, даже на высшем.

Прощавшись с попутчицей, Егор опустил тяжелую сумку на перрон и вздохнул.

Ну, здравствуй, Москва Златоглавая...

Татьяну встречали муж и сын-оболтус, точно в такой же куртке, как у Егора. Чмокнув оболтуса в щеку, Татьяна немедленно нагрузила мужа чемоданами, сунула сыну сумку, бросила Егору «пока!» и покатила колобком в подземный переход.

Площадь трех вокзалов была грязной, смрадной. Воздух пах нагретыми рельсами, мазутом и еще чем-то кислым, не поддающимся идентификации. Суетливый людской муравейник кишел вокруг, обтекая одинокую фигурку парня с гигантской сумкой у ног. Пассажиры, повинаясь металлическим голосам из динамиков, шагали к поездам, выискивая свои вагоны. Вот по перрону проследовал целый цыганский табор – галдящий, громогласный, цепляющийся жадными взглядами за пассажиров. Завидев Егора, от пестроцветной толпы отделился мальчишка лет двенадцати: тощий, нескладный, с давно не стриженными вихрами и, негромко бормоча, протянул немытую ладошку. Лицо, с тщательно усвоенным выражением мольбы, тоже не мешало бы вымыть. Егор отвернулся, мальчишка подергал его за рукав.

– Кыш! – рявкнул Егор.

Мальчишка отпрянул испугнутым воробьем на безопасное расстояние, откуда, смерив парня злобным взглядом, что-то пробормотал. Цыганки, наблюдавшие за этой сценой, о чем-то шушукались, а потом одновременно засмеялись, отчего моментально стало обидно. Вот, приедешь в Москву, стоишь на вокзале, как идиот, и тебя еще на смех поднимут! Скоро милиция подойдет и потребует паспорт...

Нет, надо ехать в гостиницу или поискать квартиру на пару дней...

– Егор?

Отец стоял позади, нерешительно улыбаясь.

Егор мгновенно оглядел его с головы до ног.

Да, это он, без всякого сомнения, хотя прежде видеть папашу не приходилось...

У отца были такие же черные глаза, черные волосы, правда, потускнели от седины, щеки синели от свежего бритья. А еще у него был смешной толстый нос, совсем как у собаки, и он забавно сморщился, когда улыбнулся, совершенно не представляя, как себя вести.

Сын оказался слишком взрослым.

В последний раз Александр видел его издали, заехав попрощаться перед отъездом. Экс-супруга непустила его даже на порог, прошипев что-то жестокое, но Егор, только учившийся ходить, на мгновение показался в дверях, держась за косяк, а потом шлепнулся на попку и захныкал, засунув в рот кулачок. Теперь перед Александром стоял молодой мужчина, пожалуй, красивый, как профессиональный танцор, с дерзким взглядом, надменный и... испуганный, хоть и старавшийся не подавать виду.

Их похожесть все-таки не была столь явной, как хотелось бы Александру. Причудливая цепочка генов смешалась в замысловатом коктейле, подарив Егору смешанный образ, словно стереокартинка. На первый взгляд – перед тобой нагромождение одинаковых пятнышек, и только потом, под определенным углом, замечаешь внутри хаоса нечто иное. От отца парню достался набросок, от матери – глубина. Черты лица Александра были грубоваты. Экс-супруга на его фоне казалась бесцветной, тусклой и лишенной жизни, однако в ее тонком профиле, посадке головы и глубине синих глаз виделась порода. Егор унаследовал лучшее от своих родителей.

– Наверное, отец должен обнять найденного сына? – шутливо спросил Александр. Голос предательски сорвался.

Черт побери! Ему вовсе не хотелось этой сентиментальности. Ему сорок пять, за плечами два неудачных брака, в том числе и с женщиной, которая много лет назад совершила нечто ужасное...

– Да ладно, – делано рассмеялся Егор. – Не парься. Я тоже чувствую себя глупо.

Они все-таки обнялись, скомканно, как бы второпях, словно опасаясь быть уличенными в неуместной теплоте. Егору неожиданно показалось, что здесь, на грязном, заплыванном перроне ему рады куда больше, чем в холодной атмосфере собственного дома.

Оставленный Новосибирск вдруг показался тусклым, несмотря на чистый воздух, заполненный запахом сосен. Громогласная Москва поглотила его в один момент...

Однако на новоприбывших город смотрел холодно, с пустым блеском в глянцевых стеклах многоэтажек, иногда оценивающе, как таможенник в аэропорту, присматривающийся к пассажиру, который излишне нервничает перед металлоискателем. Новосибирск был иным: дружелюбным, живым и приветливым. Однако, поднимая с асфальта тяжелую сумку, Егор почувствовал, как за спиной словно закрылись двери, отсекая прошлую жизнь.

«Все будет хорошо», – подумал он.

– Ты, наверное, голодный? – спросил отец, игнорируя фальшиво-услужливых носильщиков, бросившихся наперерез, дабы захватить груз. – Можно заехать в ресторан.

– В восемь утра? И потом, я после трех суток в поезде грязный, как свинья.

– Да, это я как-то не подумал... Тогда Макдоналдс? Кстати, почему ты на самолете не полетел? – озабоченно спросил отец.

– Не было билетов. А оставаться дома не хотелось, – ответил Егор.

– Понимаю, – сказал внезапно помрачневший Александр, вскинув руку с брелком сигнализации. Роскошный лоснящийся зверь с inferнальным именем «Майбах» хрюкнул и приветственно мигнул фарами. Александр покосился на сына: оценит или нет?

Оценил.

– Красота, – одобрительно фыркнул Егор и ласково погладил дверцу кончиками пальцев. – Куплено на нетрудовые доходы?

– А то, – гордо надул щеки Александр. – Я же такой: владелец заводов, газет, пароходов... Мистер Твистер, миллионэ-эр. Знаешь такой стишок?

– Не-а.

– Ну да, где тебе... Ты слишком молод для Маршака. Что у вас сейчас в моде? Гарри Поттер?

– «Сумерки», – криво усмехнулся Егор. – Девочки предпочитают мертвечину. Она любит его, он любит ее, а в перерывах оба пьют чужую кровь. Романтика...

– Ужас, – с притворным сочувствием сказал Александр. – А моя дочка тащится от Шрэка.

– У тебя дочь есть?!

– Есть. Твоя сестра. Ей восемь.

– Как зовут?

– Алиса. Мать тебе не говорила? – небрежно осведомился Александр, вырубивая со стоянки. Позади недовольно загудела грязная «Калина», но отец и ухом не повел.

– Мать вообще мало разговаривала на твою тему, – равнодушно ответил Егор. – У меня сложилось впечатление, что эта тема ей неприятна.

Отец ничего не сказал, а Егор на ответе и не настаивал, уставившись в окно.

В Москве он не был никогда. Попытки посетить столицу воспринимались матерью в штыки и всегда заканчивались неудачей. Пару раз на поездку почему-то не нашлось денег, однажды мать внезапно заболела и даже легла на обследование в больницу, а Егор, оставшись за хозяина, таскал в палату скверно сваренный бульон и фрукты. В последний раз на голову свалился внезапно затеянный ремонт...

Жизнь в столице Егору пришлась по душе.

Ему понравилась семья отца: третья жена, Инна, высокая красивая блондинка лет тридцати, очаровательная Алиса, которая сразу же признала в Егоре своего человека. Однако, несмотря на радушие большого отцовского дома, Егору было немного не по себе. Поэтому, прожив в семье три дня, как-то за ужином он намекнул о том, что желает жить отдельно.

– Гош, неужели тебе у нас плохо? – недоуменно спросила Инна.

– Нет, все прекрасно, но я все-таки взрослый уже, – просто объяснил Егор. – Жить по распорядку мне и дома надоело. Выйду на работу, друзья появятся, девушки. Не сюда же их водить, верно?

– Куда же ты пойдешь? – всполошилась Инна. – Саш, ты слышишь?

– Слышу, – ответил отец, не отрываясь от газеты. – Он взрослый человек. Снимем ему квартиру, пусть живет, работает. Кстати, завтра, может быть, поедешь со мной в контору? Присмотришься, освоишься...

– Пап, я не бизнесмен, – отмахнулся Егор. – Не тому учился. Вы не беспокойтесь, я работу сам найду. И квартиру тоже.

– Что за ерунда? – возмутилась Инна. – Что у тебя за работа будет? Сколько ты будешь получать в газете? Нет, это совершенно невозможно...

– Инна, пусть делает, что хочет, – сурово прервал отец. – Кстати, вопрос с квартирой мы решим просто. У меня есть однушка в центре, в новом доме, мне ее за долги отдали. По моему, она даже частично меблирована.

– Но там же дом еще толком не заселен, – возмутилась Инна. – И подъезд ужасный, все в рытвинах и ухабах.

– Зато метро рядом, – невозмутимо ответил Александр. – Район хороший. Пусть там живет. Я ежедневно на работу мимо езжу. Ты не считаешь зазорным пожить в квартире своего папаши?

Егор не считал. Он был даже рад, что проблема с квартирой так быстро разрешилась. На самом деле еще одной причиной нежелания жить вместе с отцом было чрезмерное внимание

со стороны папеньки и мачехи. Не для того он вырвался из одних силков, чтобы попасть в другие... Инна, конечно, замечательная, да и отец принял кровиночку как подобает, но Егору все же казалось, что здесь ему не слишком рады. Возможно, он ошибался, но изводить себя мыслями не хотелось. И потому он съехал на новую квартиру, в дом, который еще действительно не был достроен. В самом последнем подъезде еще продолжались работы, окна были забрызганы известкой, а во дворе сустились плохо говорящие на русском гастарбайтеры. Но квартира оказалась чудесной, светлой и просторной. Из окон открывалась великолепная панорама, из кранов текла вода, в комнате стоял довольно новый диван, на кухне – столик и четыре табурета. Отец за день организовал кое-какие покупки, включая телевизор, а Инна, то ли от полноты чувств, то ли от желания избавиться от старой колымаги, отдала Егору «Фольксваген», на котором ездила уже пару лет. Дело оставалось за малым – найти работу, но здесь Егор упорно полагался на себя.

Поздно вечером, когда Егор съехал, в доме Александра Боталова зазвонил телефон. Инна сняла трубку и, недовольно поморщившись, протянула ее мужу.

– Твоя бывшая, – буркнула она, удалившись в ванную. Александр скривился, точно жена протянула ему дохлую крысу, вздохнул и прижал трубку к уху.

– Слушаю, Виктория...

– Егор уехал? – вместо приветствия осведомилась бывшая жена.

– Егор решил остаться в Москве, – холодно ответил Александр. – Сейчас я продиктую тебе его телефон. Он живет...

– Слушай, ты, – прошипела Виктория. – Думаешь, сможешь играть со мной в свои игры? Если ты немедленно не отправишь его обратно, я все... все расскажу! Он узнает, что ты сделал!

– Расскажи, – прервал Александр. В его голосе звенела тихая, убийственная ярость. – Расскажи, и ты очень пожалеешь. Потому что я расскажу, что сделала ты.

После контакта с лужей кроссовки промокли напрочь. Оставляя мокрые следы, Егор поплелся прочь от входа. Неподалеку толкалась группа молодежи, которую тоже завернули бдительные билетеры. Молодежь это обстоятельство отнюдь не расстроило. Оккупировав ближайшие скамейки, ребята со звонкими щелчками раскупорили пивные банки и принялись взахлеб обсуждать что-то интересное. До Егора долетали лишь отдельные слова и хохот...

Как же это здорово: вот так сесть на скамейку, потреться о чем-то бессмысленном и выпить, не беспокоясь о каком-то Михайлове и его личной жизни! Егор вздохнул с легкой завистью. Им-то хорошо... Попьют пивасика, посмотрят игру, погалдят на трибунах, помашут флажками и плакатами... а ты тут сидишь, как дурак, глядя на запертые двери главного входа, и еще на что-то надеешься.

На запертые двери...

...главного входа.

Егор подскочил, как ужаленный. Да, билетеры берегут центральные двери, но ведь есть еще и боковые! Игроки уже наверняка внутри, но обслуживающий персонал выходит покурить, встретить реквизит. Возможно, сейчас идет последний прогон, проверяется оборудование, выставляется свет, микрофоны... Обслуживающий персонал расставляет на столиках жюри минеральную воду, спонсоры ревностно следят, чтобы их баннеры были видны отовсюду. Словом, за кулисами царит суeta. Проскочить под шумок – плевое дело. Главное – не засыпаться на какой-нибудь ерунде...

Чувствуя себя не то Джеймсом Бондом, не то Штирлицем, Егор отправился на поиски служебного входа.

Дверь он обнаружил быстро, вот только охранял ее какой-то мосластый цербер с хмурым взглядом. Пройти мимо него просто так было невозможно. Скрываясь за криво выстриженными кустами, Егор приуныл.

Похоже, блестящий план провалился...

Цербер, уныло обозрев окрестности, вошел внутрь, заперев за собой дверь. Егор подошел, подергал... Ну да, закрыто, а чего ты хотел? Вышколенного дворецкого с канделябром, ковровую дорожку, усыпанную лепестками роз? Восторженных фанатов с плакатами и пазлами...

Собери Егора Черского в полный рост, и будет тебе счастье!

Как же, жди...

Ничего не будет. Задание провалено. Максимум, ты сейчас пойдешь на игру, получишь удовольствие, а завтра доложишь несостоявшемуся начальнику, что провалил задание, на радость патлатой гримзе. Впрочем, можно не докладывать. Ты просто не придешь, скрывшись с горизонта раз и навсегда. В характеристику красным маркером впишут обидное «безнадежен», папочка пристроит тебя в собственную компанию на более или менее бессмысленную должность, и ты, ощущая лопатками недобрые взгляды, торжественно перейдешь в категорию офисного планктона. Утром – парковка на личном «Фольксвагене», кофе из мудреного аппарата в кабинете, два часа пасьянса «Паук» или нового ужаса всех офисов – каменной лягушки, плюющей разноцветными шариками, потом обед в «Макдоналдсе» или любом другом заведении быстрого питания... Гамбургер на обед, чикен-бургер на полдник, крылышки в кляре, молочный коктейль и ведро колы – и вот ты уже толще на десять кило, тяжело вздыхаешь, завязывая шнурки, и с трудом поднимаешься по лестнице. На работе тебя терпят лишь потому, что твой папочка – Сам, втайне ненавидят и завидуют. Однажды на твоём авто нацарапают гвоздем неприличное слово из трех, пяти, семи и более букв и с восторгом будут повизгивать у окошек, глядя, как ты в бешенстве шлепаешь по лужам, матерно призывая громы и молнии на голову обидчика. Но хохот прекратится, когда ты, мстительно ухмыляясь, займешь новую должность и заставишь всех своих обидчиков делать бессмысленную работу в новогодний вечер.

Ужас.

Егор потрянул головой, отгоняя невеселые мысли.

И к чему нюни распустил? В конце концов, Михайлов еще никуда не делся, и даже если устроиться в «Желтуху» не удастся, не катастрофа. В конце концов, желтый листок – не предел мечтаний. Есть более серьезные издания, в которых можно освещать реальные события и проблемы, а не алкогольные перипетии актерских династий.

По дорожке, пытаясь, как паровоз, шел молодой худющий парень, темноглазый и темноволосый, со слегка асимметричным лицом, с трудом волоча гигантские сумки. Лямка одной из них внезапно оборвалась. Сумка шлепнулась на асфальт, из ее разверзшегося нутра полезли какие-то блестящие тряпки. Парень выругался, бросил на землю вторую сумку и начал записывать тряпье внутрь. Егор, равнодушно взиравший на это из своего укрытия, неожиданно сообразил: парень идет к служебному входу.

– Давай помогу, – сказал Егор, подскочив к парню.

Тот дернулся от неожиданности, но потом облегченно вздохнул;

– Спасибо. У нас машина сломалась, пришлось на метро переть все это барахло... Игра еще не началась?

– Вроде нет, – сказал Егор и, охнув, взвалил на себя сумку. – А что тут?

– Ай, ерунда всякая, – отмахнулся парень и тоже с трудом поднял баул. – Костюмы и кое-какой реквизит.

– Ты за какую команду играешь?

– За Москву. Только я не играю. – Парень постучал в запертую дверь. – Я пою.

Гамадрил в форме охранника высунул физиономию в щель, а потом неохотно пропустил Егора и его нового знакомого внутрь.

– В смысле «поешь»? – не понял Егор. – Куда это волочь?

– Вон туда, за сцену... Третья дверь. Что ты спросил?

– Что значит – поешь? Ты артист?

За дверью их встретил многоголосый хор. В воздухе витал запах пота и алкоголя. На старом облезлом столе красовались недоглоданные бутерброды, полупустая бутылка коньяка и лохматые дольки лимона, который не то рубили тупым ножом, не то грызли, отбивая вкус спиртного. Рослый парень в синем свитере воздел руки вверх, увидев ввалившихся в комнату:

– Димон, блин, ну где тебя черти носят? Давай сюда это барахло. Чего мобильник выключил?

– Батарейка села, – кряхтя, ответил спутник Егора и сбросил сумку на пол. – Мне, наверное, надо микрофоны опробовать?

– Дима, расслабься, ты не в опере, – снисходительно сказал мордастый парень с бородкой, прихлебывая из кружки не то сдобренный коньяком чай, не то разбавленный чаем коньяк. – Как споешь, так и споешь, тебя один хрен никто не увидит. Если что – позор достанется нам.

– Как и слава, – фыркнул Дима. – Пойду я покурю.

– Далеко только не уходи, до начала полчаса, скоро народ будут запускать, – предупредил парень в синем свитере.

Дима не ответил и вышел за дверь. Егор последовал за ним. Дима закурил, прицельно стряхивая пепел в кадку с искусственной пальмой.

– Ты тоже играешь? – спросил он Егора.

– Нет, я репортер. Кстати, ты не знаешь, где тут ответственный за связь с прессой? Я не аккредитован.

– Ну, наверное, надо к редакторам подойти, я, честно сказать, не знаю. Ты об игре будешь писать?

Егор отрицательно помотал головой.

– Нет, мне бы с Михайловым поговорить. Как думаешь, это реально?

Дима пожал плечами и огляделся по сторонам: пожарный нещадно гонял всех курильщиков за кулисами. Правда, его все равно не слушали и курили.

– Фиг его знает. Вообще-то попробовать можно. Но это на банкете после игры. Михайлов сегодня точно в жюри, у нашей команды шутка есть про него. А на банкет он всегда приходит и напивается в зюю. Вот тогда и бери его тепленьким. Если хочешь, я тебя проведу. Там вечно ошивается кто попало.

– Спасибо, – потеплевшим голосом сказал Егор. – А то меня под это интервью на работу берут.

– Да нет проблем, – отмахнулся Дима. – Ты тут потолчешься или как?

– В зал пойду, у меня есть билет.

– Ну, после игры подойди к сцене, я тебя проведу.

Два часа пролетели на одном дыхании. Недавний благодетель Егора, продавший билет, явился за пару минут до начала, насупленный и злой, но уже через четверть часа выл от хохота, шлепая себя ладонями по коленям. Егор же, с интересом следя за происходящим на сцене, высматривал нового знакомого. Однако Дима так и не появился, хотя членов его команды Егор узнал сразу. И только когда команда исполняла финальную песню, Егор догадался посмотреть на людей, скромно стоящих в уголке за стойками микрофонов. Дима старательно подвывал игрокам, и, судя по его сосредоточенному лицу, старался изо всех сил.

После игры Егор занял позицию рядом со сценой, терпеливо пережидая, пока редкие оставшиеся зрители фотографировались на память с любимыми кавээнщиками. Дима запаздывал. И только когда Егор уже потерял терпение, он высунулся из-за кулис.

– Блин, прости, я забыл, – торопливо сказал он, отмахнувшись от охранника. – Это наш, наш... Пошли, там уже дым коромыслом.

– Михайлов там?

– Куда ж он денется? – фыркнул Дима. – Сидит, разглагольствует о том, что КВН нынче совсем не тот, что раньше.

– Пьяный? – спросил внезапно развеселившийся Егор.

– Ну, уже на бровях. Так что поторопись...

В большой комнате – не то бывшей гримерке, не то кладовой, заставленной отслужившими свое декорациями, действительно яблоку негде было упасть. Игроки и немногие члены жюри шумно выпивали, закусывали и галдели, обсуждая игру, вспоминая понравившиеся шутки. Дима в этом людском водовороте мгновенно потерялся. Егору сунули пластиковый стаканчик с водкой, которую он машинально выпил. Гадкое теплое спиртное мгновенно обожгло горло. Егор закашлялся. Кто-то сердобольный сунул ему яблоко. Стаканчик снова оказался полным, когда это произошло, Егор не заметил, но снова выпил. После третьей порции, ощутив приятный шум в голове, он вышел в коридор в поисках туалета.

Он оказался за узкой обшарпанной дверью. Внутри, сидя на подоконнике, курил Михайлов. На вошедшего Егора он покосился затуманенным взором. Егор застыл на пороге.

– Заходи, – махнул рукой с зажатой сигаретой Ефрем. – Это общий сортир, не мой личный.

– Спасибо, – нерешительно буркнул Егор и скользнул в единственную кабинку. Мочиться на глазах у звезды казалось как-то неприлично. Михайлов отрешенно смотрел в стену, выпуская клубы дыма. Егор вышел из кабинки и направился к раковине.

– Бабы – зло, – выпалил вдруг Ефрем.

– Что? – не понял Егор.

– Ты женат?

– Пока нет.

– Во-от! – протянул Михайлов со своей знаменитой интонацией. – И не женись никогда. Все беды от бабья.

– Правда?

– Правда. Вот, к примеру, моя последняя – сука та еще...

Не веря неслыханной удаче, Егор сунул руку в карман, вытягивая диктофон. Пластиковая сигарка выскользнула из пальцев и предательски ухнула вниз, стукнувшись о кафель. В пьяных глазах Ефрема появился нехороший блеск.

– Ты журналист, что ли? – грозно спросил он. У Егора засосало под ложечкой. Он поднял диктофон и отрешенно кивнул.

– Вы уж меня простите, просто мне очень нужно сделать интервью с вами. И как раз на тему, какие бабы – стервы.

Михайлов смотрел в глаза Егора тяжелым, каменным взглядом. Зажатая в руке сигарета медленно тлела.

– А, пиши, – вдруг махнул он рукой. – Я все скажу, чего мне скрывать?

– А фото можно сделать? – расхрабрился Егор.

– Фото? Можно. Но не здесь же. Пойдем в зал, я сяду в кресло, там и снимешь.

Разговаривать с Ефремом оказалось не так уж и сложно, даже без предварительной подготовки. Актер сам выложил кучу животрепещущих подробностей, пустил слезу, наигранно пожалел о распавшемся браке, эффектно позировал для фото и наконец отправился за кулисы.

– Знаешь, почему я тебе все сказал? – вдруг спросил Михайлов, уцепившись за массивную статую чудо-птицы, символа игры. – Ты хороший парень, умеешь слушать. Только не пиши, что я алкаш и дурак, хорошо? Красиво напишешь, обращайся без проблем. Всегда рад буду поговорить.

Егор кивнул, украдкой проверил качество записи на диктофоне, просмотрел сделанные снимки. Он был совершенно счастлив. Хорошо, что сегодня он не на машине приехал!

Выпитая водка бурлила в голове. Московские дороги его еще пугали, водил он неважно. Так что верный автомобильчик пришлось оставить во дворе. Спотыкаясь о разложенные за кулисами мотки проводов, Егор неуверенно тыкался во все двери. И где тут, простите, выход?

Светлая дверь мелькнула впереди. У выхода маячил охранник, посмотревший на Егора с презрением. Гордо вскинув голову, тот прошел мимо, споткнулся о порог и выпал наружу. Охранник мерзко загоготал вдогонку. Егор поднялся и отряхнул брюки. Да, свалился, и что? Зато интервью с Ефремом Михайловым у него в кармане, и – в перспективе – рабочее место тоже.

Дима сидел на скамейке у выхода и курил. На Егора он посмотрел вполне дружелюбно.

– Получилось?

– Ага. Спасибо. А ты чего сидишь тут? А не отмечаешь вместе со всеми?

Дима скривился.

– Мне на работу завтра. Так что пить не могу.

– Чего ж домой не едешь? – спросил Егор и уселся рядом.

– Некуда. С квартиры турнули. Надо новую искать. Жду вот, пока люди напьются, может, удастся к кому напроситься на ночлег.

– Так поехали ко мне, – предложил Егор. – Ты мне помог, я вроде как должен тебе. Переночуешь, а там, глядишь, и хата найдется.

– Ты серьезно? – оживился Дима.

– Серьезно.

– Класс! А пожрать у тебя ничего нет?

– Найдем, – усмехнулся Егор. – Поехали, пока метро не закрыли.

Главный редактор прихлебывал остывший кофе и читал интервью. Егор с деланным равнодушием рассматривал собственные ногти. В кои-то веки решился добраться на работу за рулем собственного авто, и тут на тебе, такая пакость, колесо проткнул... Запаска была, и даже заменить дырявую шину удалось в рекордные сроки. Хорошо еще, что это случилось на тихой улочке, а не на оживленной автострате. Вот только вывозился в грязи, как свинья. Руки пришлось мыть в туалете, где мыло, очевидно, было неслыханной роскошью... Ну и пусть... Не хватало еще из-за ногтей переживать.

Егор чуть слышно вздохнул и потупил взор.

Блин, и штанина грязная! Позорище! Что люди подумают? Егор перевел взгляд на руки редактора. Волосатые ручонки Искандера Давидовича блистали перстнями и свежим маникюром. Егор снова вздохнул...

Со вчерашним помощником никаких проблем не было. Дотащившись с Димкой до квартиры, они доели остатки яичницы с колбасой и рухнули на диван валетом. Дима сразу же уснул, а Егор еще долго ворочался с боку на бок, стараясь не задевать соседа. Потом, не выдержав, встал и уселся за ноутбук.

Через три часа статья была написана.

Утром Димка соскочил ни свет, ни заря, даже кофе не выпил и, расшаркавшись в дверях за предоставленное гостеприимство, сбежал. Егор же, отчаянно зевая, распечатал статью, нашел в ней кучу нелепостей, появившихся явно под влиянием позднего времени суток, двух

порций водки и двух кружек кофе, и уселся за правку. Работа так захватила его, что он едва не опоздал к потенциальному работодателю. Вскочив из дома в страшной спешке, Егор немедленно влез обеими ногами в лужу, а потом еще и колесо проколол по пути. Сидя на жестком стульчике, он думал, что день, начавшийся так скверно, должен и продолжиться соответственно. Статью редактор немедленно выбросит в окно, а самого писака назовет бездарностью, попавшим на журфак «за красивые глаза». Стульчик впивался в ягодицы железными болтами, которые (Егор с жадной мщенностью покосился на редактора) были ввинчены специально для причинения наибольшего ущерба.

– Ну, что я могу сказать, – сказал редактор. – Недурственно, недурственно... Только вот этот абзац надо выкинуть, заголовок поменять, он канцелярщиной отдает. Вы, Игорь...

– Егор.

– А, да, Егор... Вы, Егор, мастер больших объемов. Это хорошо, но только с одной стороны. У меня тут в штате полно дурочек и дурачков, за которыми переписывать приходится кучу информации в два абзаца. Они вот так, – редактор помахал в воздухе листочками, – не напишут. У вас хороший стиль, четко расставлены акценты. Михайлов предстает не тупым алкоголиком, каким является на самом деле, а жертвой обстоятельств. Но! У вас, Егор, нет опыта, в отличие от зубастых и бездарных коллег, которые привыкли писать информацию по две или две с половиной тысячи знаков плюс скверные фото «звезды» на унитазах. А народу в нашем издании нужно именно это! Сможете?

– А это обязательно? – осторожно спросил Егор.

– Да, дорогой. Вы слишком... как бы правильно выразиться, литературны для «Желтухи». А если завтра я отправлю вас взять интервью у Алины Пырковой, порнозвезды, прославившейся на реалити-шоу? Тоже будете о душе размышлять? О судьбинushке, толкнувшей ее на скользкую дорожку?

– Почему бы и нет? – возразил Егор. – Пыркова – такой же человек, как и все. И душа у нее имеется.

– Да кому нужна ее душа, – отмахнулся Искандер. – Народу сиськи подавай! Рассказы, как и кто ее имел и в каких позах. Вот с такими заданиями вам придется столкнуться. Потянете?

– Потяну, раз надо.

– Ну, что ж, попробуем. Во всяком случае, вы единственный, кому удалось справиться с этим заданием. Больше никто не прошел. Михайлов – жесткий человек. Значит так, Егор, посадим тебя пока с Анастасией в кабинет. Пойдешь к нашему сисадмину Славику, он компьютер установит. Насте я скажу, чтобы она тебя натаскала. В общем, ты у нас на испытательном сроке. Принесешь в кадры трудовую, паспорт и диплом. Ну, и чего там еще скажут. С завтрашнего дня выходи на работу. Статью твою я в номер поставлю. Электронную версию принес? Отлично!

Егор протянул редактору флешку.

Неужели свершилось?

Чудо чудное, диво дивное, первый же выстрел – и попадание в десятку!

Интервью взяли, поставят в номер, и, наверное, даже денег дадут...

Анастасия новому соседу не порадовалась. Вот уже несколько месяцев она занимала кабинет одна. И дело было отнюдь не в ее блистательных репортерских данных. Непотопляемость в «Желтухе» ей обеспечивали несколько иные качества и обязанности, с которыми она отлично справлялась в апартаментах Искандера Давидовича. Через койку редактора прошли многие молоденькие стажерки, но лишь Настя смогла так долго терпеть грубые шалости пятидесятилетнего ловеласа. Конкурентки были глупы: хотели слишком многого, требовали все и

сразу. Амбициозные – пост редактора отдела, иногородние – прописку в столице, алчные – квартиру, машину и много-много денег.

Настя Цирулюк в открытую не требовала ничего. Слишком зыбким ей самой казалось положение дел в газете. Искандер в койке требовал многого, демонстрируя неукротимый восточный темперамент. Иной раз от его штучек хотелось не просто плакать, а выть, зализывая синяки и ссадины, и больше никогда (ты слышишь, сволочь? Ни-ког-да!) не приходиться к нему. Настя даже радовалась, когда утешать стареющую плоть вызывалась другая гетера – пухлогубая, длинноногая, с амбициями и желаниями. Но вскоре она сбегала, наплевав на работу и льстивые обещания шефа. Впрочем, Искандер никогда не держал слова.

В периоды увлечения Искандера другими Настя тоже пускалась во все тяжкие. Москва призывала к действиям, стабилизирующим собственное положение.

Однако время шло, а звездные личности смотрели на незвездную Настю с плохо скрываемым презрением, игнорируя ее попытки перейти из категории «акул пера» в спутницы жизни. Да и что это были за мужики?! Гламурненькие, в блестящих нарядах, с куда большей охотой заглядывающиеся на мужские торсы...

В новом сотруднике редакции было нечто притягательное. Не отдавая себе отчета, Настя вдруг ощутила странные, двойственные чувства. С одной стороны, Егор вызывал вполне женский инстинкт: холеный, благополучный... вон, машинка стоит под окном. Не «Хаммер», конечно, но ведь и не «Ока»! А Настя все на метро, да на маршрутках...

С другой стороны, парень раздражал. Он смог то, что не удалось ей! А ведь после ночи с Михайловым тот был просто обязан отнестись к ней куда более благосклонно. Недаром она орала, как резаная, лежа под ним в имитации бурной страсти. Но спустя всего месяц Ефрем ее даже не вспомнил. А этот... Настя презрительно посмотрела на Егора, который расчищал рабочий стол. Ну, ничего, еще посмотрим, что там из тебя выйдет. Скорее всего, дольше полугода удержаться на работе тебе, дружок, не светит! И дело даже не в старании или умении взять интервью. Будь ты хоть семи пядей во лбу, Искандер тебя выгонит по весьма тривиальной причине...

Ведь Искандер, как истинный султан, не любил конкуренции в гареме.

Распихав по шкафам залежалые бумаги, Егор удовлетворенно оглядел новое рабочее место. Еще бы пыль вытереть... Но, наверное, этим уборщица должна заниматься. Настя, делавшая вид, что пишет статью, косилась на него с неудовольствием. Бурная деятельность в ее апартаментах вызывала как минимум аллергию от взметнувшейся к небесам пыли, заплывавшей в ярких солнечных лучах, заливавших кабинет. А бурный восторг Егора вызывал непонимание. Неужели этот сопляк думает, что в рай попал?!

– Настя, а где мне сисадмина найти? – бодро осведомился сопляк.

– По коридору, последняя дверь направо, – неприязненно ответила Настя. – Если он не сидит в своей норе, значит, пошел жрать в кафе напротив. Он у нас такой. Живет как крыса: жрет и гадит.

– Гадит?

– Гадит. Обращаться к нему приходится, будто он Господь Бог! Если «винда» полетит или червя схватишь, Славочка приходит с такой рожей, словно ты его лично наградила триппером. В конце концов, это его работа, следить за состоянием рабочих компьютеров! А уж если ему кто-то не нравится, он вообще на просьбы не реагирует, приходится шефу жаловаться.

Егор задумчиво почесал подбородок. Вытащив из сумки банку кофе и шоколадку, он демонстративно положил их на видное место.

– Чего ж он такой... нелюдимый?

Настя маневр оценила и повеселела. А этот новенький – с понятиями! Кофе и шоколадка, конечно, не коньяк, но лиха беда начало. И ведь не в стол спрятал, а в шкафчик поставил. Не

знает, бедняга, что как только закроется дверь, от его гостинца ничего не останется. Журналисты – народ вечно голодный и страдающий тотальной амнезией, когда дело касается закупки чая, кофе и плюшек. А уж если волею судьбы кто и принесет снедь, то старается спрятать ее подальше от глаз коллег! Ничего, поработает пару недель, поймет, что жратву надо беречь. Настя включила чайник и, отломив от шоколадки добрую треть, с удовольствием продолжила сплетничать:

– Славка вообще у нас такой... жизнью обиженный. Увидишь – поймешь. На весь мир озлобился, затравили пацана с детства. Но, конечно, понятно: только если ты сам как крысеныш злобный, никто тебя любить не будет, будь ты даже Ди Каприо! Впрочем, чего я говорю, сам поймешь. Ты тут не расслаживайся. Работы еще навалом. Иди, бухнись в ножи, глядишь, он тебе из своей норы чего и натаскает.

Настя захихикала.

Егор поднялся с места и вышел за дверь, с размаху влетев во что-то странное. Странное сдавленно чертыхнулось и развалилось на сегменты, с грохотом посыпавшиеся на пол.

– Смотри куда прешь, – сказал странный голос снизу.

Егор прищурился. После ослепительного кабинета Насти Цирулюк разглядеть что-то в полутемном коридоре было тяжело.

Непонятной субстанцией, в которую врезался Егор, оказался молодой парень с примечательной внешностью и куча картонных коробок, сложенных до столкновения в небольшую башню. Очевидно, парень куда-то их перетаскивал.

Сидевший на полу напоминал героя старой сказки, которую в детстве Егор очень любил. Там, на неведомых дорожках, околачивалось Одноглазое Лихо – костлявое, несуразное, с буйной шапкой курчавых рыжих волос. Лихо делало путникам пакости, вскидывая хорошо растянутые балетные ноги, сбивало всадников с лошадей, валило витязей и разгоняло войска. Нечто подобное сидело сейчас на грязном полу, поблескивая из-под шапки волос а-ля ранний Джексон настороженным взглядом. Разница была разве что только в цвете шевелюры. Это Лихо было брюнетистым мулатом, с кожей цвета кофе с молоком, большими пухлыми губами и расплюснутым носом.

– Простите, пожалуйста, – сказал Егор, – я вас не заметил. Давайте помогу.

Лихо поднялось с пола.

При ближайшем рассмотрении оно оказалось мужского пола и было облачено в черную толстовку с изображением каких-то гоблинов и широкие, эффектно разодранные джинсы. Сквозь дырки виднелись тощие коленки. Широкий негритянский нос украшал пирсинг в виде двух колечек с обеих сторон. Бровь тоже была проколота, в ней торчал то ли гвоздик, то ли шип. Под густыми бровями блестели черные глаза-бусинки.

– Аккуратнее надо, – пробурчало Лихо и принялось собирать коробки в кучу. Голос был странный: ломающийся, срывающийся с баса на тенор. К тому же Лихо плохо выговаривало слова, безбожно проглатывая и гласные, и согласные. Егор принялся укладывать коробки в пирамиду на руки парню, но получилось неровно – пирамида угрожающе накренилась. Егор испуганно схватил пару коробок с самого верха.

– Куда их? – спросил он.

Лихо дернуло подбородком в сторону мрачного зева плохо освещенного коридора.

– Туда. А ты не из редакционных?

– Почему ты так решил? – осведомился Егор, стихийно переходя на «ты». Лихо попыталось пожать плечами, но пирамида затряслась, предвкушая падение, и попытка выразить эмоции провалилась.

– У нас тут «звезды» одни. Лишний раз задницу от стула не оторвут. Не по чину. Не здороваются, не прощаются. Цедят сквозь зубы...

– Наверное, я тоже научусь, – усмехнулся Егор. – Я только что сюда поступил на работу. Будем знакомы, Егор.

– Слава. Очень приятно, вот только руку пожать не могу, – пробубнило Лихо. – Будет хоть с кем покурить, а то тут одни бабы. «Сла-авик, да-ай сига-аретку, а то я сва-а-аи дома-а-а забыла-а-а». А дом у нее в Урюпинске... Я говорю: «Вали на историческую родину, пусть там тебе сигареты дают».

Слава издал странный, захлебывающийся звук. Егор не сразу понял – это смех. Слава прислонил пирамиду к стене и, нашарив в кармане безразмерных штанов ключ, отпер дверь, украшенную табличкой с непонятными иероглифами и вполне узнаваемой картинкой в виде черепа и двух скрещенных костей.

– Кстати, об Урюпинске, – вспомнил Егор. – Я, собственно, к тебе и шел. Мне компьютер надо.

– Всем компьютер надо, – глубокомысленно ответил Слава, втаскивая коробки внутрь. Башня накренилась и все-таки развалилась. Егор аккуратно поставил свои коробки на стол.

– Мне сейчас надо.

– Всем сейчас надо. Рожу я тебе его, что ли? Сейчас посмотрю по углам, может, чего и соберу. Где тебя посадили?

– У Насти в кабинете.

Слава присвистнул.

– Ба, как это тебе так подфартило? Или ты ее тоже чпокаешь? Нет? Странно. Ее тут все чпокают время от времени... Ладно, будет тебе комп, Интернет и телефон. У Насти, насколько я помню, всего один выход... Но это только к завтрашнему дню.

– А сегодня никак?

– Никак, – капризным тоном ответил Слава. – Я вам не Карлсон, всюду залететь не успеваю. У верстальщиков винт сгорел и сетка полетела, мне сейчас все восстанавливать придется. Завтра будет. К обеду. Наверное.

– Спасибо вам, добрый человек, – сокрушенно вздохнул Егор и шаркнул ножкой. – Век не забуду вашу доброту.

– Иди, иди, не отсвечивай, – чуть более дружелюбным голосом сказал Слава. – Ладно, к утру будет компьютер. Только учти сразу, чтобы никаких игрушек, никакой порнухи, а то накачаете мне вирусни...

Егор кивнул и пошел обратно. Настя сидела на телефоне, сосредоточенно хмурия лоб. Шоколадка почти исчезла, на развернутой упаковке лежали две несчастные, криво отломленных дольки.

– ...Ленка, слушай, мне на этого козла Антуана нужен какой-нибудь убойный компромат, – бубнила Настя. – Нет. Нет. Не дает, сука, хоть тресни. Я тут соловьем пела, полосу обещала, а они какую-то пургу мне задвинули об эксклюзиве... Да щас! Бабок они хотят!

Настя ненадолго замолчала и косо посмотрела на Егора, который рылся в шкафчике в поисках чистой чашки.

– Лен, точно ничего не знаешь? А у кого можно спросить? Нет, я его не знаю... Блин, я шефу уже пообещала, не знаю, что делать... Ну, выкручусь, как всегда, придумаю что-нибудь... Ага, ага... из источников, близких к достоверным... Да знаю я про этот прием! Ладно, прорвемся...

Кружки были грязные, с мерзким коричневым налетом вековой давности. В уголке догнивали зеленая корочка хлеба, огрызок яблока и что-то непонятное в маленькой стеклянной баночке: то ли мясной гуляш, то ли какой-то джем. Настя бросила трубку и устало потеряла виски:

– Блин, вот засада-то... Что же делать? Ты Славу нашел?

– Угу, – буркнул Егор.

Похоже, придется наводить порядок самому. Кофе на сегодня отменяется, а кружку он себе купит новую и будет прятать ее в стол. Общинное ведение хозяйства в этом почтенном заведении приводит к всеобщему загниванию. Не случилось коммунизма на отдельно взятом участке, а так бы хотелось...

– И что тебе он сказал? – полюбопытствовала Настя.

– Сказал: и кроватей не дам, и умывальников. Тише едешь, дальше будешь, Полыхаев.

– Какой Полыхаев? – не поняла Настя. – Какие умывальники?

– Проехали, Насть. До завтрашнего дня не будет у меня тут ни компьютера, ни телефона.

– Ну, так и иди домой, – отмахнулась Настя. – Ты ведь сдал материал? Сдал. А информации в сегодняшней номер вряд ли нароешь. В понедельник звезды релаксируют после вчерашнего. Шеф уже отвалил куда-то, так что дописываем то, что нарыли за воскресенье и субботу. Запарка начнется в среду, когда следующий номер сдавать будем. Эх, как бы мне еще этого уroda Антуана выловить...

Инна позвонила ближе к обеду, огорошив неожиданным предложением.

– Ты чем сегодня занят? – без всякого перехода, спросила она, едва поздоровавшись.

– Ничем, – удивился Егор. – А что?

Голос в трубке стал невероятно сладким.

– Егор, пойдем со мной на тусовку, – попросила мачеха. – Саша отказался, говорит, устал, как собака, а я уже два дня дома сижу, сил нет. Одну меня дорогой супруг не отпустит, а вот с «кровиночкой» – запросто. Давай сходим, Егор, а?

– А куда?

– Сегодня прием у Рахимова. Знаешь Рахимова?

– Откуда?

– А, ну да, действительно... В общем, Рахимов – это нефть, газ и, кажется, еще золото. На сегодня снят «Сноб», потом будет катание на теплоходе по Москве-реке, в общем, веселье до утра. Поедешь?

– Я не знаю, Инн, неудобно как-то, меня же никто не приглашал, да и надеть нечего. Не в джинсах же туда идти.

– Глупости, – отмела мачеха слабые возражения. – Приглашение на двоих Боталовых, какая разница, кто придет, Сашка или ты.

– Я Черский, а не Боталов.

– Непринципиально. Я за тобой заеду через пару часов, пойдем по магазинам, приодену тебя в шелка и жемчуга. И не возражай! Ты идешь на светский раут, значит, должен выглядеть соответственно. Все, я пойду собираться, а ты сиди дома и никуда не уходи!

Егор положил трубку.

Интересно, как себя чувствовала Золушка на самом деле, когда впервые собиралась на бал? Неужели ей было так же хреново? Бедная сиротка ехала на мероприятие, соблюдая присущий местной аристократии дресс-код. Шикарное платье, хрустальные туфельки, карета из тыквы... Сказка, оборвавшаяся в полночь. Принц нашел туфельку, повелся на мишуру и бижутерию, нашел красавицу-замарашку, и жили они долго и счастливо. И умерли в один день.

Наверное.

Ехать с Инной не хотелось, хоть плачь.

Егор пожалел, что не придумал какую-нибудь отговорку. Даже о том, что устроился на работу, сказать не успел, вот досада...

Дверной звонок истерически затрещал.

Егор подпрыгнул.

Инна не могла так быстро доехать, если не звонила непосредственно из подъезда...

А судя по отголоскам (на заднем плане визжала Алиса), звонила она из дома.

Кого же принесло?

За дверью стоял Димка в компании пухлощекой, большеглазой девицы с заметным шрамом на виске. Егор быстро обшарил девицу взглядом. Так себе, третий сорт. В голубеньких глазках – ни капли интеллекта, на брюшке бублики сала, ноги могли быть и подлиннее, волосы погуще, шейка поизящнее... Не Венера Милосская, и даже не голливудская дива с диковинным именем Пенелопа Крус. Девица улыбалась застенчиво, Димка заискивающе.

– Привет, – сказал он.

– Привет, – удивился Егор. – Ты тут какими судьбами? Забыл чего?

Димка скорбно вздохнул.

– С очередной квартиры погнали. Вещи на лестницу повыкидывали. В общем, теперь голодаем и скитаемся. Бомжуем, так сказать.

– Хреново, – вздохнул Егор. – Заходите. Чаем напою. К сожалению, больше ничего не могу предложить – холодильник пустой. Даму представишь?

– Ой, – сконфузился Димка. – Это Марина. Знакомьтесь.

– Очень приятно, – сказала она и, улыбнувшись, протянула руку. Улыбка была приятной, как будто на какой-то миг ее невыразительную мордашку осветило солнце. Егор улыбнулся в ответ, ответил на рукопожатие. Гости разулись, затолкав грязную обувь под вешалку, и с одинаково голодными лицами потянули носами в сторону кухни.

– У меня есть к чаю печенье, – утешительно сказал Егор. – Вот только времени мало. Пойдемте скорее, мне через час-полтора уезжать.

– Надолго? – скорбно спросил Дима, жадно оглядывая кухню, печенье в вазочке. В холодильнике, откуда радушный хозяин вытащил початую пачку масла, действительно было пусто и холодно, как в склепе.

– Возможно, до утра, – с холодной вежливостью проинформировал Егор.

Сейчас наверняка последует просьба пустить переночевать. А утром он, вернувшись со светского раута, недосчитается ноутбука, денег и фамильного серебра...

– Егор, – кашлянув, начала Марина. – Ты случайно не...

– Кстати, – с фальшивым энтузиазмом перебил Егор. – Прямо подо мной пустует квартира. Правда, там нет отделки и мебели, но зато есть свет, газ и вода. Унитаз тоже стоит. И я знаю телефон хозяина. Хотите, позвоню?

Дима и Марина переглянулись. Предложение было не тем, на которое рассчитывали, но нищие ведь не выбирают? Квартиру действительно нужно искать, а тут вариант, и не самый плохой... Марина приняла чашку, отхлебнула горьковатый чай и улыбнулась. По сравнению с тощим Димкой, с его костлявыми плечами, перебитым в детстве носом, ручонками-веточками и выпирающими коленками, хозяин квартиры смотрелся куда привлекательнее.

Марина вздохнула.

Ей Москва постоянно показывала хищный, надменный оскал аристократки, отказывающей от дома приبلудным юродивым. Ни регистрации, ни постоянной работы, ни – как показали последние события – жилья. Съемные квартиры в клоповнике, мечта утром первой оказаться в ванной, не видеть и не слышать гадкой ругани соседей... Димка – не то друг, не то любовник, жалкий, как бездомная собачонка, всегда голодный, в майках, купленных в секонд-хэнде, потому что даже на товары с рынка нет денег...

Еда в общем шкафчике, дружеский секс по пьянке... Ах, постель еще не повод для знакомства! Можно, я останусь у тебя, потому что некуда пойти?

И вот ты остаешься с ним, а за картонной стеночкой – пьяный дядя Вася, тараканы на кухне в банке с вареньем, дверь из фанеры, которая легко открывается пилкой для ногтей. Утром, уходя в институт, боишься, что дядя Вася вломится в твою комнату и, стащив гитару – единственную ценную вещь, пропьет ее у ближайшего ларька. Димка по ночам подрабатывает сторожем и наверняка дрыхнет в магазине на сдвинутых стульях всю ночь, но все равно

не высыпается. Оба хотят петь, но наивысшее достижение – подпевка в КВН или выступления в кабаках, под свист и улюлюканье пьяного быдла, требующего «Владимирский централ», «Мурку» и «Миллион алых роз». Димку однажды избili после такого вот концерта пьяные посетители, когда он отказался раздеваться на сцене. Шрам на виске Марины – от брошенной бутылки... Из ресторана их выгнали с позором, посетителей успокоили, подарив клубникой в ананасах, сливками в шампанском и прочей чепухой, потому что один – сын министра МВД, другой – нефтяной магнат, а ты – быдло из рабочего поселка, улепетываешь в обнимку с гитарой, надеясь, что расправы не последует...

Помнишь Ирку из «Астории»? Ну, ту, что пела под Тину Тернер? Говорят, она отказалась переспать с Мамедом Уноняном. Кто такой Мамед? Владелец сети ночных клубов. Теперь Ирка торгует собой в привокзальном борделе. А как еще ей отрабатывать долг? Какой долг? А кто его знает...

Помнишь Серегу? Молчаливого виртуоза-гитариста? Он уехал на родину со сломанными руками. Какая-то темная история с обслуживанием банкета холдинга «Сибирь Алмаз»...

Помнишь их? А этих? Людей с безнадежной приставкой «почти»?

Приехавших в Москву, почти пробившихся, почти реализовавших свои таланты, надкусивших славу, как шоколадку. Сколько из них вовремя вырвали свой кус из жадной зубастой пасти, оказавшись в нужном месте, в нужное время, в нужной постели? Скольких из них столица-акула перекусила пополам?..

Марина вцепилась в чашку и сделала глоток.

Зубы предательски звякнули о фарфор. Вот ведь оно, счастьеце, сидит напротив, скалится в дежурной улыбке... Все хорошо, дом, работа и, по словам Димки, богатенький папик. Родился в норковой пеленке.

А у тебя в анамнезе – родители медики из категории низшего обслуживающего персонала, таким в больнице взяток не дают. Максимум – коробка конфет или бутылка паленого коньяка. У Димки родители и того проще, никаких шансов на успех.

Завалиться бы в постель к такому вот...

Или к его папеньке. Только у отца в женах наверняка какая-нибудь пергидрольная выдра, бывшая мисс «Кривой Рог», залетевшая прямо на подиуме и благополучно оставившая сомнительную карьеру модели. А у сыночка в матовых черных глазах лишь раз промелькнула тень извечного мужского интереса. И – пустота.

Бесперспективняк. Хорошее, богатое слово. Мечта логопеда.

– Ну, все, я договорился, – заявил Егор, кладя мобильник на стол. – Ключи сейчас принесут, хозяин тут же живет, на четвертом этаже. Вы сможете сразу заплатить?

– Наверное, – осторожно сказал Димка и цапнул с вазочки последнее печенье. – Если это не очень дорого. Там однокомнатная?

– Да, такая же, как моя. О, звонок!

Хозяин квартиры оказался нудным лысым мужичком средних лет. Квартира действительно еще не была отделана; голый бетонный пол, нуждающиеся в финишной покраске стены. На потолке в патроне не было лампочки. Правда, унитаз новый, девственно чистый...

Показав апартаменты, хозяин равнодушно потребовал залог за три месяца. Марина и Димка приуныли. Даже общего капитала, собранного по карманам, не хватило бы на всю сумму. Глядя на их вытянувшиеся лица, Егор вздохнул и полез в карман за кошельком.

– Егор, спасибо, – радостно улыбнулся Димка. – Ты не сомневайся, мы отдадим. У меня зарплата скоро...

– Да ладно, – отмахнулся Егор. – Я благодаря тебе на работу устроился. Так что теперь мы квиты.

– Только как мы тут будем жить? – уныло протянула Марина, вертя в руках брелок с ключами. – Ни мебели, ни посуды...

– У меня есть надувной матрац, – подбодрил Егор. – Две табуретки тоже могу одолжить и кое-какую посуду.

– Я чайник принесу с работы, – оживился Дима, не обращая внимания на надувшуюся Марину, которую не оставляла мысль о ночевке в теплой постельке Егора. – Устроимся как-нибудь.

В кармане Егора завибрировал сотовый.

– Ну, ты где? – раздраженно заверещал голос Инны из динамика. – Сказала же, чтобы дома сидел.

– Да тут я, этажом ниже, сейчас поднимусь, – ответил Егор. – Ладно, мальчики-девочки, мне пора. Айда скорб забирать, а то мне некогда.

– Егор, я тебе буду всегда-всегда благодарен, – сказал Дима.

В «Снобе» Егор чувствовал себя неуютно. Инна сразу погрузилась в привычную атмосферу, раскланиваясь направо и налево с многочисленными знакомыми, представляя им пасынка с неуместным энтузиазмом.

Поведение Инны показалось странным. Во время шопинга она безжалостно гоняла продавцов-консультантов, точно это не Егор, а она сама собиралась на первый в жизни светский раут. Напяливая на себя очередную рубашку, примеряя новые брюки и туфли, Егор ловил себя на ощущении фальшивости происходящего. Выйдя из кабинки для переодевания, он увидел, как Инна в спешке прекращает разговор по сотовому и торопливо прячет его в сумочку.

Глаза у нее были совершенно счастливыми и светились, как звезды.

В машине энтузиазм мачехи стихийно пошел на убыль.

Егор дважды попытался заговорить с ней, расспросить, куда они едут, кто будет на тусовке, но Инна отвечала до странности тусклым голосом, думая о чем-то постороннем.

В «Снобе» Инну встретили с восторгом, Егора – с невежливым любопытством. Девушки полезли с объятиями, мужчины с рукопожатиями. Крашеная блондинка Акси́нья Гайчук, несколько лет назад провозгласившая себя светской львицей, немедленно подседа к Егору. Инна же, обменявшись быстрыми взглядами с фигуристом Евгением Романенко, устроилась неподалеку, делая вид, что тот ее совершенно не интересуется.

Она рассчитывала, что Егора быстро возьмут в оборот местные дамы и уведут подальше. Не станет же он сидеть рядом с мачехой весь вечер? А у нее появится алиби, в котором она нуждалась...

Как же тяжело находиться рядом с мужчиной своей мечты и не иметь возможности даже прикоснуться! Боталов давно перестал ее восхищать, радовать. Свою супругу он, по большому счету, всегда воспринимал как дорогой аксессуар.

Другое дело – Евгений: молодой, красивый, успешный...

Тайный роман заставлял кровь кипеть в жилах. А ведь она почти забыла, как это бывает! Вечер обещал быть приятным.

Акси́нья, чьи достоинства ограничивались появлением на свет в семье известного политика, сыпала пошлыми анекдотами. К счастью, громкая музыка почти заглушала ее слова. Романенко рассеянно улыбался и сжимал руку Инны под столом. Выпивка лилась рекой. Официанты носились челноками, с маниакальным упорством угождая капризным гостям.

Сообразив, что ее не слушают, Акси́нья потащила Егора танцевать.

Инна удовлетворенно улыбнулась.

Публика билась в истеричной агонии клубной музыки. Посмотреть на все со стороны – и ритуальные танцы людоедского племени Мумба-Юмба покажутся балетом «Жизель»! Лазерные лучи били вверх, вниз, расширялись и сужались. Тяжелый дым стелился по полу, хими-

ческий воздух бил в ноздри. Люди, вздымая руки вверх, прыгали на одном месте, в их крови бушевали энергетики и экстази. Некоторым уже не хватало сил, и они бессильно отползали к уютным диванчикам, прихлебывая шампанское и бейлис. Другие продолжали прыгать, и в ядовито-зеленом свете прожекторов их лица казались гротескными масками распоясавшихся демонов.

Неистовство и вакханалия...

И жажда – неукротимая, неутолимая, заставляющая поглощать растворенный в баночках с газировкой кофеин. Кровь бурлит и толкается в сердце. Танцуй, не останавливайся! Музыка зовет...

Спустя два часа Егору захотелось домой.

Новые туфли жали, к тому же Аксинья, танцуя, отдала ему пальцы на ногах. Слегка прихрамывая, Егор отошел к стойке и, заказав мохито, устался в зал.

«Сноб» лишь внешне казался райским местом. Под верхней пенкой взбитых сливок кипели темные страсти. Лоск и гламур с посетителей слетали уже после двух крепких коктейлей. Светские львицы в сверкающих платьях беззастенчиво ковырялись в носу, размазывая остатки макияжа пальцами. Роскошные локоны сникали от пота, превращаясь в паклю. Важные лоснящиеся мужчинки средних лет, выкушав по бутылке водки, вспоминали свое пролетарское прошлое, проходившее в райкоме, звали официанта «человек!» и щелкали пальцами, не замечая на лицах холуев ненависти, скрытой за тщательно усвоенной вежливой улыбкой. Здесь «хозяева жизни» с пафосом рассказывали об успешном бизнесе, помалкивая, что уже три месяца не платят своим сотрудникам зарплату, хотя требовались для этого не бог весть какие деньги... Но если сгрести их в кучку, можно купить новой девочке новенькую машинку красного цвета, шиншилловое манто, а если будет себя хорошо вести, еще и свозить в Ниццу. Она ведь так хотела попробовать настоящую итальянскую кухню...

Крутые бизнесмены, швыряя на чай официанту минимальную зарплату среднестатистического россиянина, помалкивали о то и дело накатывающей волнами паранойе, когда все вокруг казались предателями и шпионами. И тогда в отдельно взятом королевстве начиналась война!

Любовницы, уличенные в адюльтере, мнимом или реальном, вылетали из насиженного гнездышка лишь в том, что было на них надето. Заместители, заподозренные в финансовых махинациях, с позором изгонялись с работы. С треском выкидывали простых сотрудников, выслушав очередного доносчика...

Но все это было там, за сверкающим занавесом!

Не лучше выглядело и новое поколение, пропитанное кокаином, силиконом и пороками. Они приезжали в «Сноб», уже подогретые торопливым сексом, снятым камерами мобильных телефонов, пили коктейли с абсентом, думая, что делают это шикарно и, несмотря на установленные в туалетах специальные приглушенные лампы, умудрялись попасть в вену... После их визитов на раковинах оставались следы кокаина. В узких коридорчиках, ведущих в vip-аппартаменты, слышались визг, хохот и стоны, страстные или страшные. Слева покрикивала от не испытываемого наслаждения грудастая Барби, которую пялил молодой кавказец, одетый лишь в загар и дорогие часы. Справа постанывал брошенный псевдо-друзьями мальчик с белокурыми кудрями, умирающий от передоза... Через час Барби уедет с новым другом в его квартиру на Воробьевых горах и проживет с ним целых две недели, после чего ее место займет другая. Через час двое крепких мужчин вынесут труп юноши по узкой лестнице и, затолкав его в багажник машины, увезут в неизвестном направлении. Сколько их, красивых, легкомысленных, как мотыльки, пропало в черных ямах ночных заведений столицы?..

Самым любопытным было то, что далеко не все молодые люди имели право находиться тут. Они прибывали в компании «золотой молодежи», повиснув на сынках и дочках олигар-

хов, попивая дармовую выпивку и униженно терпя оскорбления. Взырошенные, как мокрые воробьи, эти были заметны с первого взгляда: по растерянным взглядам, нервным движениям и какой-то незримой угодливости...

Какая-то девица, хлопая наращенными ресницами, подсела на свободный стульчик у стойки и умильно поглядела на Егора. Грохочущая клубная музыка делала разговор невозможным. Поэтому Егор даже не сделал попытки расслышать, что ему говорила юная фея. От коктейлей уже пошатывало. Егор нетвердой походкой отправился на поиски Инны.

За столиком ее не было. На вопрос, где она, никто не мог ответить, только Аксинья странно ухмыльнулась и скосила глаза вбок. Егор нахмурился. Аксинья состроила гримасу: мол, ты совсем дурачок, что ли? Егор повернулся в указанном направлении. В каком-то темном закутке стояли, прижавшись друг к другу, двое.

Инна и Евгений Романенко целовались, позабыв обо всем на свете. Руки Инны сплелись на шее знаменитого фигуриста, а его ладони жадно шарили под наполовину расстегнутой блузкой Инны. Егор оторопело смотрел, как на спине мачехи под тканью возникают горы и холмы от постоянно движущихся ладоней Романенко. Егор стиснул зубы и отступил назад, не желая больше ничего видеть.

В этот момент в него врезался официант.

За буханьем музыки хруст и звон бьющейся посуды был практически неразличим, но Инна и Евгений отпрянули друг от друга, растерянно глядя на Егора. Тот, низко опустив голову, исподлобья посмотрел на них, потом стремительно пошел к выходу. Оценив ситуацию, Инна бросилась следом. Официант ползал на коленях, собирая осколки на поднос. Романенко тупо наблюдал за этим, не зная, на что решиться. Руки, засунутые в карманы, сами собой сжались в кулаки.

Инна догнала Егора на лестнице. Тот, шагая как автомат, не обращал внимания ни на ее крики, ни на дробный перестук каблучков, пока она не схватила его за руку.

– Подожди, куда ты летишь, – воскликнула она, вцепившись в его локоть.

Егор послушно остановился. Инна, развернув пасынка к себе лицом, вздрогнула. На нее смотрели глаза мужа, налитые кровью, безумные и опасные.

– Егор, давай отойдем в сторонку, я тебе сейчас все объясню. Ты просто все неправильно понял.

Егор неприятно рассмеялся.

– Я почему-то думал, что ты именно это и скажешь.

– Ох, пошли вон туда, – прошипела Инна, ловя на себе взгляды любопытствующих. Егор вяло сопротивлялся, но Инна, перепуганная перспективой объяснения с мужем, в этот момент была способна в одиночку справиться с дюжиной боксеров-тяжеловесов. Затолкав пасынка в наименее людный уголок холла, Инна усадила его на кожаный диванчик.

– Дай сигарету, – нервно попросила она.

Егор пошарил в карманах и сунул ей пачку, в которой болталась последняя, и недорогую зажигалку. Ее попытки прикурить ни к чему не привели – в зажигалке кончился газ. Несколько раз нервно нажав на кресало, Инна бросила эту затею и вытряхнула на диван содержимое сумочки. Найдя свою зажигалку, Инна жадно закурила, выдыхая дым, как паровоз-истерик. Молчание затягивалось.

– Ну, да, – устало сказала она. – У меня роман с Женькой. Мы редко видимся. У него жена, у меня – Боталов. Он собирается разводиться, я же все смелости никак не наберусь. У Женьки сын, у нас с Сашей дочь. Боталов меня никогда не отпустит...

– И что? – холодно спросил Егор. – Мне для чего эти откровения? Ты, между прочим, моего отца обманываешь. Как прикажешь реагировать?

– Егор... Понимаешь, все куда сложнее, чем ты думаешь. Твой отец далеко не святой человек. Я бы сказала даже – совсем не святой. И моя жизнь с ним – каторга, тюрьма, из

которой не выбраться. Пока ты не ощутил этого на себе, пока тебе все кажется сказкой. Но рано или поздно ты со мной согласишься и все поймешь!

– Инна, я не хочу этого слушать...

– Я прошу тебя ничего не говорить отцу, – перебила его Инна. – Ну, подумай сам, кому ты сделаешь лучше? Он и так уже догадывается, но, пока я сижу взаперти, у него нет повода. Разведется он со мной, что дальше-то будет? Не со мной, тут как раз все ясно. С тобой что будет? Новая мачеха может оказаться не такой лояльной. Или ты надеешься, что Саша вернется к твоей матери?

– Инна, хватит...

– Егор, я тебя очень прошу, пожалуйста... Я сама расскажу, когда придет время.

– Инна, – прервал ее Егор, – ты понимаешь, о чем меня просишь? Это, черт побери, мой отец!

Его голос, жесткий и холодный, ударил по ушам Инны. Она зажмурилась и, откинувшись на подушки, затаилась, глотая дым и застрявшие в горле слезы.

– Егор, а как же Алиса? – негромко спросила она. – Ей и так живется несладко. Мы ведь только на людях счастливая пара. Дома без конца ругаемся, и этому конца нет. Если бы ты знал, как я хочу уйти...

– Так уходи! У твоего конькобежца небось не в Бутово халупка и деньжата водятся...

– Если я попробую уйти, через неделю меня найдут в Москве-реке, – глухо сказала Инна и раздавила окурок в пепельнице. – Твой отец – страшный человек. Ты даже не представляешь, сколько скелетов в его шкафах!

– А в твоих? – парировал Егор.

Инна открыла рот, чтобы ответить, но прямо над ее ухом раздался жеманный голос, заставивший ее прекратить диалог.

– Инна, мусик, как я рад тебя видеть!

Егор поднял глаза.

Рядом стояло нечто, отдаленно похожее на мужчину: тщательно налакированные волосы стояли дыбом, простецкое, почти крестьянское лицо было тщательно затонировано, маленькие глазки подведены. Существо было облачено в белую рубашку с кружевным жабо и обтягивающие штанишки из сине-зеленой кожи, переливающейся мелкими чешуйками. Существо протянуло Инне тощие ручонки, увенчанные россыпью колец, и с силой выдернуло ее с дивана.

– Тебя так давно не было видно, – щебетало существо, почти прикасаясь щеками к лицу Инны в приветствии. – Неужели твой тиран и деспот решил навеки заточить тебя в башне? Но ты нашла силы сбежать? Какая молодчуля! Смотри, что на мне! Это последняя коллекция Готье. Отвалил сумасшедшие деньги. И только что увидел еще два таких же наряда, причем один – на Алмазове! Ну не свинство ли?! А кто этот пусик с тобой? Ты времени зря не теряешь...

– Пусик – это сын тирана и деспота, – ответила Инна. – Знакомьтесь: Егор, журналист, очень способный. Он недавно в Москве. А это – Антуан, певец, наша новая звезда.

– Очень рад, – пропел Антуан и ловким движением бедра оттеснил Инну куда-то вбок. – Между прочим, для друзей я просто Тоша.

Вспомнив о неудачной попытке Насти организовать интервью с Антуаном, Егор хищно улыбнулся.

– А я так просто счастлив! – в тон Антуану пропел он и с силой пожал руку, безвольную, как лапка мертвого бройлера. – Егор, для друзей просто... Егор.

Подхватив Антуана под локоть, Егор потащил его в сторону.

Антуан запрокинул голову и глупо захихикал.

– Егор, – робко позвала Инна.

Тот обернулся.

На лице пасынка Инна увидела улыбку – тонкую, как у гадюки.
– Не бойся, – прошипел он. – Я не скажу.

Мечты – они, как песчаные замки.

Ты их возводишь, громоздя одну на другую, а потом кто-то наступает на сооружение кирзовым сапогом.

Влажный, осыпавшийся звук – и нет мечты.

Финита!

Кому-кому, а Диме об этом было известно прекрасно. Уже год он жил в Москве, а удача по-прежнему стояла тылом, не думая обернуться даже в мимолетном проявлении благосклонности. Утром – занятия по вокалу в училище, ночью, раз в два дня – дежурство в магазине...

Осень уже брала свое. По вечерам в городе царили сырость и холод. В магазине еще не включили отопление, да и дома, на съемной квартире, было зябко. Вдвоем с Маринкой они купили обогреватель, выбрав самый дешевый и маленький, но толку от него почти не было. Ночью, набросав на себя все, что было теплого, они стучали зубами, лежа на толстом ватном одеяле. Одолженный Егором надувной матрац Маринка случайно проколола ножом, когда по примеру аристократии решила позавтракать в постели. Дима страшно ругался, ведь именно ему пришлось идти к Егору и униженно просить прощения за испорченную вещь. Хорошо, хоть тот не потребовал вернуть деньги немедленно...

После трагической гибели матраца Марина, чувствуя за собой определенную вину, умудрилась где-то раздобыть кровать: старую, обшарпанную, с растянутой сеткой и дряблым ватным матрацем. Спать на ней было тоже не слишком удобно, но, по крайней мере, гораздо теплее. Однако в последние несколько дней Диме все чаще приходилось ночевать в других местах: то у Егора, то на работе, то еще где-нибудь, потому что Марина, отчаявшись закомутать красавчика-соседа в свои тенета, решила устраивать личную жизнь с любым потенциальным женихом.

События последнего полугодия жизни Димы развивались какими-то неровными толчками: вверх, вниз, пауза... Однако в этой кривой глубина падений была куда круче, чем траектория взлетов.

Он стоял на улице, мрачный и пришибленный.

Только что закончилось очередное прослушивание на роль в мюзикле. Маринка, ошарашенная новой возможностью, прилетела домой как безумная, начала тормозить и требовать, чтобы он пошел с ней:

– Дима, это молодежный мюзикл, почти как на Бродвее! – орала она. – Об этом пока мало кто знает! Ну, вставай же, скорее, пока туда не сбежалась вся Москва...

До здания, в котором проходил кастинг, Дима и Марина долетели за час, что, учитывая расстояние, явно превышало человеческие возможности. В метро влетели, когда двери поезда уже закрывались, маршрутку пришлось брать штурмом, используя гитару как оружие. Сидя внутри, Маринка начала истерически подхихикивать и тыкать пальцами куда-то вбок. Дима скосил глаза на собственное плечо и увидел толстый шов. В спешке он надел кофту наизнанку. Маринка хихикала и кренилась на бок, заваливаясь на недовольно косившуюся на нее толстую тетку в вязаной безрукавке. А вот Дима почему-то не разделял веселья подруги. В сердце зашевелился червячок нехорошего предчувствия: зря едем, все зря...

Так оно и вышло.

Уже на подходе к бывшему Дому пионеров Дима и Марина увидели змеившуюся очередь – как минимум сотня претендентов на роль! Однако в этой очереди что-то было неправильное... В воздухе витало странное напряжение. Никто не распевался, почти никто не разговаривал. Лица молодых людей были напряжены и серьезны.

– Странно, – медленно сказал он. – Будто на бойню идут. Чего все такие злые?

– Никто внутрь не заходит, – ответила Марина, вытягивая шею. – Кажется, двери закрыты. Неужели прослушивание уже началось? Мы же вовремя приехали...

– «Мало кто знает», – ехидно процитировал Дима подругу. – «Пока вся Москва не сбегалась»... Да вся Москва уже тут. И, похоже, с утра. Чего такой ажиотаж-то?

– Мюзикл американцы продюсируют, – процедила сквозь зубы Марина. – Насколько я знаю, приличные бабки будут платить. Что-то вроде «Нотр-Дама». Говорят, даже Алмазов согласился принять участие. Премьера на Новый год ожидается, вроде бы по одному из центральных каналов покажут...

– По телику?

– Ну да, а что?

Дима вздохнул.

– Дура ты, Маринка. Кто же нас с тобой в «ящик» пустит? Тем более если сам Алмазов согласился принять участие. Да там даже массовка из звезд будет! Пошли отсюда.

– Ты с ума сошел? – яростно прошипела Маринка. – Это же шанс, понимаешь? Шанс!!! Да я тут костыми лягу, а попаду на прослушивание!

– Где ты уже своими костыми не ложились, а толку чуть, – ехидно фыркнул Дима.

Марина покраснела и зло сощурила глаза.

– Не хочешь, не надо, можешь уходить, я тебя не задерживаю, – процедила она. – А я хоть до ночи останусь. Потом будешь локти кусать, и не говори, что я тебя не предупреждала!

Марина вырвала гитару у Димы и решительно направилась к очереди. Он посмотрел ей вслед, не зная, тащиться за ней или послушаться голоса разума и вернуться домой. Девушка, усиленно работая локтями, продиралась сквозь толпу, игнорируя недовольные реплики. Она еще несколько минут надеялась, что Димка побежит следом...

Черт побери!

Она возилась с ним уже несколько месяцев.

Да, это он пустил ее пожить к себе домой. Но разве она не отработала его гостеприимство в койке? Разве не она стирала его грязные джинсы в старой ванне, старательно игнорируя сальные шуточки пьяного соседа, который всегда приходил помочиться в тот момент, когда Марина устраивала стирку или собиралась помыться. Задвижка на хлипкой двери отсутствовала. Несколько раз Марина с визгом хлестала ввалившегося в ванную соседа мокрыми джинсами. Тот мерзко хихикал и уворачивался. Дважды он заходил в те минуты, когда она, красная и распаренная, сидела в ванне, одетая лишь в пену, а один раз он застал ее совершенно голой, когда она только-только стянула трусики и задрала ногу, чтобы забраться под душ. После этого случая Димка соорудил в ванной запор в виде тонкого крючка из проволоки. Но мастер из Димки был тот еще! Крючок плохо держал дверь, при нажатии она открывалась на пару сантиметров, позволяя сунуть в щель карандаш и поддеть крючок. Впрочем, если сосед пытался войти, Марина успевала прикрыться. Поэтому тот выбрал другую тактику: приоткрывал дверь и, сопя, наблюдал за процессом мытья, старательно шуруя потной рукой у себя в штанах...

Переезд в новую квартиру, пусть даже совершенно непригодную к жизни, стал для Марины сказкой. Наконец-то можно ходить по квартире, не беспокоясь о пьяном соглядатае, не прятать деньги, вещи, не бояться, что по возвращении выяснится, что ее любимая гитара уже несколько часов принадлежит мужику из соседнего дома!

Да, конечно, за переезд в какой-то степени следует благодарить Димку. Но, в конце концов, это не его заслуга! Просто он оказался в нужном месте в нужное время. Да и к Егору бы не пошел – Марина настояла, когда разоткровенничавшийся Димка вскользь упомянул о богатеньком папике нового знакомого. Вот только прибрать к рукам не получилось ни папу, ни сыночка...

Марина ревниво припомнила ногастую блондиночку-мачеху, волоокую, ухоженную. Таких не меняют на унылых хомячков! Да и сыночек оказался не промах. Переехав, Марина

то и дело поднималась наверх: то соли одолжить, то сахару, старательно выбирая наряды из немудреного гардероба. Тут подтянем, там подберем, грудь нараспашку, в глазах поволока...

Бери меня, я вся твоя!

Но Егор почему-то «братъ» отказывался и в гости не приглашал, оставляя томиться в прихожей. Трижды на голос из глубины его квартиры выходили девицы – всякий раз другие: брюнетка, блондинка и даже эмо с розовыми волосами. Всучив соседке сахар или соль, Егор с неизменной вежливостью выпроваживал Марину прочь. И только в глазах, черных, как ночное озеро, светилось презрение.

Сволочь...

Марина пристроилась в хвост очереди и, обняв гитару, угрюмо уставилась вперед. Спустя четверть часа дверь приоткрылась. Толпа заволновалась и рванула на штурм. Марина бросилась к дверям вместе со всеми, не заметив вышедшего с черного хода Егора.

Димке повезло больше.

Спотыкаясь обо все подряд, придерживая руками сползающие модные джинсы от псевдодизайнерского дома моды, Дима побрел к остановке и буквально налетел на Егора, торопившегося к своему автомобильчику.

– О, привет, – удивился Егор. – А ты тут откуда?

– На прослушивание с Маринкой пришли, – ответил Димка.

Хорошо бы Егор направлялся домой и подвез его! Иначе опять придется тащиться через всю Москву в маршрутках, потом в метро. С неба сыпалась какая-то мокрая пакость, сущее наказание, а не дождь...

Унылая беспросветность.

Бесперспективняк...

Слово, которое Димка выговаривал с первого раза, а у Маринки никак не получалось, отчего она злилась и долго, тщательно тренировалась по слогам.

– Чего ж не остался? – весело спросил Егор. – Если ты домой, садись, подброшу.

– Спасибо, – с благодарностью сказал Димка, дождался, пока «Фольксваген» хрюкнет сигнализацией, и забрался в уютное, пахнущее кожей нутро автомобильчика. – Я решил, что нет смысла оставаться. По слухам, мюзикл будет из звездного состава.

– Ну, правильно решил, – подтвердил Егор и завел машину. – Сегодня массовку отбирают, роли-то уже распределены. Берут профессиональных танцоров в основном, ну и так – людей, изображающих толпу. Оплата – пятьсот рублей за вечер. Оно тебе надо? Я там час торчал, ждал визита великого и ужасного Алмазова, но барин прибыть не пожелали. Сегодня еще одна тусовка, в другом месте, надеюсь там его отловить...

Пока Егор аккуратно вливался в сплошной поток автомобилей, Дима, без спроса вытащив из валявшейся на приборном щитке пачки сигарету, с наслаждением закурил и уставился в окно.

Ну, почему одним все, а другим ничего?

Вон, сидит, баранку крутит...

Третий месяц в Москве, а уже – машина, квартира, работа, связи и протекция. И что самое обидное, без всяких усилий с его стороны!

Повезло же родиться в богатой семейке. Папашка – олигарх, души в сыночке не чает, мачеха едва ли не облизывает: вон, машину подарила, одела, обула с ног до головы, живет и в ус не дует. А тут носишься, как ужаленный, и ничего! Папа на заводе, слесарь шестого разряда, мама – врач-педиатр, какие уж тут связи и деньги... Жизнь от зарплаты до зарплаты. На завтрак гречка с курицей, на обед супчик из вермишели, на ужин – супчик и гречка. На день рождения мама печет торт, дарит «полезные» штаны с начесом – и никаких коньков и нового велосипеда. Ты ходишь в школу, как все, живешь как все, и срываешь первые аплодисменты за исполнение песенки «Во саду ли, в огороде» на утреннике. Учителя с умилением

перешептываются: «Этот мальчик далеко пойдет», школьная училка пения гордо выпячивает объемную грудь, словно она чему-то и правда учила детей...

И вот тебе уже семнадцать, выпускной позади!

Москва, куда ты переезжаешь, чтобы поступить в лучшее музыкальное училище, начинает тебе хамить еще на вокзале.

Жестокий город, женщина-вамп, сосущая кровь из приезжих!

Жить в общежитии невозможно, хотя поначалу кажется, что весело. Соседи по комнате всегда голодны, безжалостно пожирают твои продукты, берут поносить вещи и никогда ничего не возвращают. Выспаться – удача, поесть – удача, получить заказ на обслуживание банкета – неслыханный фарт. А потом, когда пьяная тетка с сальными руками начинает липнуть к тебе на сцене и требует снять штаны, ты отказываешься, отступаешь, до тех пор, пока пьяный спутник тетки не бьет тебя кулаком в нос. Ослепляющая вспышка боли – и искры брызжут во все стороны, вместе с каплями крови...

Унижения, извинения. Извинения, унижения.

На всех прослушиваниях отбирают других, которые и петь-то толком не умеют. На последнем конкурсе «Звездопад» очень известный продюсер сказал не менее известному композитору вполголоса: «Ну, как такого брать? Посмотри на него: петь может, но на него формат не подберешь!» Композитор важно кивнул головой...

В результате – на конкурс взяли татуированного по самое не хочу сына известного бизнесмена. Дима эту сцену наблюдал, разговор слышал, не зная, то ли гордиться собственной уникальностью, то ли засунуть подальше харизму с талантом. А татуированный мажор потом занял аж третье место. Димка смотрел финальный концерт по крохотному телевизору в магазине. Теперь мажор – крутой рэпер. Правда, поет по-прежнему между нот, но высокие технологии помогают. Тут вытянем, тут прилепим кусочек от исполнения другого артиста (ведь всем известно: певцы старой школы прекрасно выпевают окончания слов, а молодежь их проглатывает), и мажор взлетает на верхушку хит-парада.

А Димка – никто.

– Чего такой кислый? – спросил Егор.

– Ничего не кислый.

– Кислый, как щи. У меня даже в машине атмосфера изменилась. Кто тебя, сироту, обидел?

Тут Димка все и вывалил.

И про адскую невезуху, и про вечное безденежье, даже мажора-рэпера не забыл упомянуть. Правда, когда речь дошла до неких лимитчиков, уже обзаведшихся квартиркой и машинкой, Димка стушевался. Егор лишь хмыкнул.

– Я понимаю, с моей стороны это звучит глупо, – вяло сказал Димка.

Все силы ушли на страстное объяснение.

Внутри была пустота...

– Но у меня правда нет никаких шансов на успех. Все эти прослушивания – фигня на постном масле! Если бы я плохо пел, может, и смирился бы. Но я же хорошо пою, ты знаешь. Берут не самых талантливых, а середнячков.

– Ну, правильно, – подтвердил Егор. – Чтобы их можно было легко заменить. Бэк-вокалист не должен затмевать звезду. Ты посмотри на все эти мальчуковые-девчуковые коллективы. Глянцевые, целлулоидные, а петь хоть кто-то умеет? Чаще всего так: кто дает продюсеру, та и солистка. Или солист... Ты на такое пойдешь?

Димка промолчал.

– Не кисни, – сказал Егор. – Перевернется и на твоей улице самосвал с пряниками.

– Да уж, перевернется, жди, – саркастически фыркнул Димка. – Я под несчастливой звездой родился.

– Да ладно...

– Вот тебе и ладно. Я по блатным местам, где «звезды» тусуются, не хожу. Кто меня туда пустит?

Егор нахмурился и сосредоточенно уставился вперед.

– Ну, положим, в этом я тебе помогу. У меня фотограф заболел, поэтому я сегодня и швец, и жнец, и на дуде игрец. Вечером Алмазова будем отлавливать...

Егор сунул руку в карман и вытащил запаянную в пластик бумажку с хищно сверкнувшей надписью «Пресса».

– У меня аккредитация на двоих, – заявил он. – Так что, если хочешь...

Договорить Егор не успел.

Димка подпрыгнул на месте, едва не врезавшись головой в потолок в намерении броситься Егору на шею. Егор испуганно дернулся, машина вильнула вбок, с трудом увернувшись от здорового «Лексуса». Джип нервно загудел клаксоном, едва различимый за тонировкой водитель разразился беззвучной тирадой и даже показал неприличный жест средним пальцем.

– Егор, правда можно?

– Дима, ты меня угробишь, – сердито ответил Егор. – Можно, конечно. Чего ж нельзя-то. Только уговор: я там тебе не нянька! У меня работа. Алмазов – та еще сука, он нас не любит. А мне скандал нужен. Возможно, придется делать ноги.

– Бли-ин, – протянул Димка. – Я даже не знаю, как тебя отблагодарить...

– Сочтемся, когда звездой станешь, – усмехнулся Егор.

На подобных вечеринках Диме бывать еще не приходилось.

Егор, миновав секьюрити, сразу же отобрал у приятеля сумку с фотоаппаратом, диктофоном и прочими причиндалами, бросил на прощание «удачи!» и растворился в толпе.

Оставшись один, Дима заскучал.

Клуб подавлял помпезностью, обилием зеркал и позолоты. В многочисленных отражающих поверхностях сверкали бриллиантами, настоящими и поддельными, гламурные девицы со взбитыми в львиную гриву локонами а-ля Памела Андерсон. Из до предела декольтированных платьев выглядывали прелести – натуральные и силиконовые. Девицы были хороши! Некоторые прогуливались под руку с импозантными мужчинами, гордящимися своими выпирающими пузами, плешками на голове и многокартными перстнями на пальцах рук. Ну и, конечно же, все кругом утопало в Картье, Версаче и Дольче Габбана, настоящих и поддельных, но одинаково ослепительно переливающихся...

Девочек, которым со спутниками не повезло, в зале тоже было предостаточно. Они общались хищными лазерными взглядами густо накрашенных глаз одиноких мужчин, оценивая их с точки зрения перспективности. Дима хмыкнул, увидев, как на отошедшего от столика рулетки известного телеведущего Александра Галахова с разных сторон набросились сразу две нимфы неопределенного возраста. Под толстым слоем пудры, румян и тонального крема было тяжело разглядеть истинную сущность гарпий, вцепившихся острыми ногтями вызывающе красного цвета в рукава телезвезды.

Галахов пребывал под солидной «мухой», посему шел довольно нетвердой походкой. Девицы одновременно схватили его за руки и потащили в разные стороны. Набриолиненный ежик волос Галахова зашатался, как Пизанская башня и даже слегка опал на левый глаз, отчего телеведущий стал похож на юного Гитлера.

– Сашенька, – защебетала нимфа с длинными локонами, – вы знаете, я так мечтала с вами познакомиться! Моя мама просто без ума от вашей передачи...

– А уж как я хотела с вами встретиться, – запела ему в ухо вторая дамочка, у которой бюст был не столь обширен и локоны покороче. – Всегда хотела попасть к вам на передачу. Скажите, а как можно это сделать?

Тройка прошествовала мимо Димы.

Галахов поднял голову. Затуманенный алкоголем взгляд его темных глаз сверкал нездоровым блеском... Вокруг стоял шум, из углов откровенно несло дымком, в котором не было даже намека на никотин. То и дело в поле зрения Димы попадали люди с вытаращенными глазами и некоординируемыми движениями. За столиками мужчины откровенно лапали своих барышень.

Танцпол ревел.

Зеркальные шары отбрасывали на стены и лакированный, как туфли франта, пол мириады отблесков.

Где-то под потолком в золоченых клетках извивались гибкие тела стриптизерш, пикантные места которых прикрывало сверкающее стразами полупрозрачное белье. На эстраде метался тощий индивид, старательно выпеваящий что-то непонятное. Дима вслушался в слова, стараясь уловить смысл...

Смысла не было.

Певец хилым голоском в полторы октавы под «минусовку» пел: «Ты меня любила, я тебя не любил. Ты меня разлюбила, я тебя полюбил. Дождь...» Дима пригляделся. Да это же Влад Голицын, любимчик тинэйнджеров от девяти до семнадцати! Вокруг извивались в такт музыке несколько молоденьких девочек, пара нервно дергающихся парней в модно приспущенных джинсах и толстый лысый мужик в пиджаке наизнанку. Напротив эстрады за столиком сидел продюсер Влада, Юрий Люксенштейн, хмуро глядящий на своего подопечного. На ухо Люксенштейну что-то орал, потрясая локонами, музыкальный критик и журналист Гия Кантридзе. Люксенштейн кивал, стряхивая пепел с дорогой сигары прямо в тарелку, на которой лежал недоеденный краб.

«А ведь я могу петь гораздо лучше, – с завистью подумал Дима, глядя, как кривляется на сцене Влад. – Я, по крайней мере, умею петь. Почему кому-то достается все, а кто-то так и останется охранником в ночном магазине?»

Дима отвернулся от эстрады.

Внезапно атмосфера клуба стала ему ненавистной. Он подошел к стойке бара, заказал себе рюмку коньяку и мрачно уставился в заставленную бутылками стену. Бармен с кривой ухмылкой покосился на Димину рубашку, но от комментариев воздержался. Дима почувствовал, как его щеки наливаются краской. Даже паршивый бармен этого развлекательного центра был одет лучше!

Неподалеку стоял лучезарный Теодор Алмазов, привычно тарасившийся на журналистов с высоты своего двухметрового роста. Журналисты подсовывали Алмазову свои микрофоны, непрерывно щелкали фотовспышки, отовсюду пялились красные глаза камер. Блестящий костюм Теодора затмевал даже блеск софитов. Томно обмахивая платочком потный лоб, Алмазов что-то снисходительно бубнил в услужливо подставленные микрофоны. В толпе журналистов Дима увидел Егора, протягивавшего в вытянутой к Алмазову руке диктофон.

Дима фыркнул.

Так протягивают кость собаке, которая сидит на цепи, длину которой ты не знаешь. И если сейчас Алмазов вцепится Егору в горло, это станет гвоздем программы!..

Егор что-то сказал Алмазову, тот налился кровью, как помидор, и ответил с возрастающей экспрессией. Егор, видимо, не остался в долгу. Алмазов тоже. Журналисты радостно сомкнули ряды и направили телекамеры и фотоаппараты на брызжущего слюной Теодора. Алмазов начал нервно сучить ногами сорок шестого размера и что-то кричать, указывая в сто-

рону выхода. Но фотовспышки быстро привели его в себя. Спустя минуту он снова улыбался. Только взгляд остался недобрым, белки глаз налились кровью...

Бармен поставил рядом с Димой пузатый бокал с коньяком и постучал пальцем по неровно оторванной бумажке, где шариковой ручкой была написана запредельная за рюмку коньяка сумма. Отступать было некуда. Дима вытащил тощий кошелек из дешевой синтетики, достал деньги и сунул их бармену. Тот презрительно скривил губы и отошел к поджидавшим его клиентам.

– Пьешь? – выдохнул прямо Диме в ухо Егор, подкравшийся незаметно, как мышь, и уселся рядом, скрестив ноги в обтягивающих кожаных штанах.

– Пью, – кивнул Дима.

Говорить было тяжело. Музыка оглушала, бухая в перепонках так, что вместе с воющими колонками бухало сердце, а в голове колотились неистовствующие барабаны. Егор махнул рукой бармену.

– Лёнчик, кофе, черный, с сахаром, – прокричал он, взявшись за мочку уха бармена. Бармен кивнул головой так интенсивно, что едва не остался без уха.

«Ишь ты, – подумал Дима. – Уже и бармен с ним знаком...»

– Как тебе Алмазов? – прокричал он другу. – Взял интервью?

– Взял, – отмахнулся Егор. – А вообще, он – козел.

– Почему?

– По кочану! Дома расскажу.

На эстраде появилась девица с волосами, выкрашенными в голубой и розовый цвета. Влад Голицын, получив свою долю аплодисментов, раскланялся и удалился, чтобы через пару минут появиться рядом с Люксенштейном. Продюсер был недоволен, Влад хмур. Кантридзе молча пил водку. Егор пил кофе и просматривал в цифровом фотоаппарате снимки, хмуря брови и чертыхаясь.

– Интересно, о чем они говорят, – сказал Дима, махнув подбородком на Влада и Люксенштейна.

Егор бросил короткий взгляд в указанном направлении и снова уставился на экран своего фотоаппарата.

– Влада, похоже, скоро побреют, – пояснил он. – Девчонки сегодня в редакции болтали, что Люксенштейн им недоволен. В проект вбухана уйма денег, Юрий сделал из Влада звезду, а тот начал крутить носом. А кому это понравится?

Девица на эстраде пела не слишком громко, так что с грехом пополам можно было даже вести беседу.

– К тому же Влад женился, – хмуро произнес Егор, крутя фотоаппарат в разные стороны, чтобы лучше рассмотреть снимок. – Люксенштейну это очень не понравилось. Правда, жена Влада из «золотой молодежи», дочка медийного магната, но все равно... Юрик считает, что кумир должен быть свободным: тогда девочки на него будут вешаться гораздо охотнее. Но я думаю, подоплека здесь все же была другая.

– Какая? – удивился Дима.

– Личная... Или ты всерьез думаешь, что Влад пробился на эстраду своим талантом? Он поет под «фанеру», вокал за него вытягивают на компьютере.

– Да ладно?!

– Сам подумай: у Люксенштейна в продюсерском центре три основных проекта и еще фиг знает сколько потенциальных. Он рьяно раскручивает Влада, трио «Тротил» и певичку Соню. Соня – проект коммерческий, у нее папа банкир, а вот «Тротил» и Влад – другое дело. В «Тротиле» только один из солистов петь умеет, потому что Гнесинку закончил. Второй тоже немного может, но третий – бывший стриптизер, только рот раскрывает. «Тротилы» сильно не

рыпаются, потому что музыка их не слишком форматная. Бросит продюсер, куда им деваться? Влад – другое дело, у них с Юрием чуть ли не любовь была...

– Неужели?

– Ну, врать не буду, точно не знаю. Но вроде как Влад – сын бывшего сокамерника Люксенштейна. Говорят, он был в своего сокамерника жутко влюблен, а тот возьми и склей лапы на зоне. Влад на папашу сильно похож, вот Юрий и взял его под свое крыло.

– Да ну, глупости, – отмахнулся Дима. – Прямо Санта-Барбара какая-то. В жизни так не бывает.

– В жизни всякое бывает, – назидательно сказал Егор. – За что купил, за то и продаю. Фотки папашы Влада я лично видел – действительно, сходство есть. То, что Люксенштейн сидел за спекуляцию в свое время, тоже факт установленный. Правда, Влад тщательно скрывает, что папаша был судим, но, думаю, это можно будет выяснить.

– Оно тебе надо? – невесело усмехнулся Дима.

– Нет, Димася, оно мне не надо, – ответил Егор, заталкивая фотоаппарат в сумку. – Неинтересно это. Мелковато для меня. Ни славы, ни денег. Если хотя бы что-то в духе большого развернутого интервью, а так... – Егор безнадежно махнул рукой. – Зато шефа это очень интересует: кто с кем спит, кто от кого залетел, кто кому дал по морде и тому подобное.

– Тебе на телеканал «Культура» надо идти, – посоветовал Дима, глядя, как Влад вскакивает с места как ошпаренный и что-то злобно шипит в лицо Люксенштейну. Продюсер пожал плечами, выдохнул в лицо певцу клуб дыма из окурка сигары и презрительно махнул: мол, не заслоняйте, юноша, обзор. Влад что-то еще сказал, развернулся и понесся к выходу. С лица Люксенштейна сползла притворно-равнодушная ухмылка. Он вынул мобильный, набрал чей-то номер и что-то буркнул. Кантридзе успокаивающе обнял Юрия за плечи, но тот смахнул руку Гии со своего плеча и нервно схватился за бокал с коньяком.

– Капец котенку, – удовлетворенно произнес Егор. – Зуб даю.

– Ничего, – мрачно произнес Дима. – Влад не пропадет. Его теперь кто угодно подхватит и раскручивать дальше будет.

Егор округлил глаза в притворном изумлении.

– Димася, ну ты прямо как младенец! Кому он теперь сдался?! Вся тусовка знает, что Люксенштейн вкладывал в него бабки, потому что имел еженощно. У Влада ничего нет за душой. Это же не Алмазов с его луженой глоткой и фактурой! Сними с Влада его цапки, смой раскраску и прическу – что останется? «Подхватить» этого лузера после того, как его бросил Люксенштейн, может только очень отважный человек с большими деньгами. А ссориться с Юрием не захочется ни поэтам, ни композиторам. И значит, опальному Владу не перепадет ни одного более-менее стоящего хита. Разве что сам наваяет что-то гениальное, в чем я сильно сомневаюсь.

– У него в альбоме несколько песен, написанных им самим, – заметил Дима.

– ...И ни одна из них не стала хитом, – продолжил Егор. – И потом: не факт, что их написал Влад. На бумажке все что угодно можно накосячить, она все стерпит. Нашли «негра», сунули пару сотен долларов, тот песню написал, а на обложку поставили имя Голицына. Так многие делают.

– По крайней мере, он женат на богатой дуре, – пожал плечами Дима.

– А вот напрасно ты так про девушку, – возразил Егор. – Его Лола совсем даже не дура. Заметь, она выходила замуж за перспективного певца, а теперь может оказаться супругой певца безработного, без надежного тыла за спиной. Сильно сомневаюсь, что Лолин папик будет вбухивать бабло в безголосого зятя. Так что, если Юрий Влада кинул, очень скоро Голицын поедет по сельским клубам старушек развлекать. Прощай, красный «Хаммер» и квартирка на Арбате! Да здравствует хрущоба в Бирюлеве с видом на свалку.

Егор залпом допил остывший кофе, махнул официанту и застегнул сумку.

– Ты домой? – деловито осведомился он. – Потому как я уезжаю. Если едешь, то пошли к машине. Мне утром материал сдавать, расслаживаться некогда.

– Езжай, – равнодушно произнес Дима. – Я еще посижу. Может, я в последний раз в этом заведении, так хоть потусуюсь.

– А чего тут тусоваться? Та же забегаловка, что перед нашим домом, такие же алкаши и нарики, только декорации побогаче. Значит, не едешь?

Дима отрицательно покачал головой.

– Ну, как знаешь, – Егор пожал плечами и, сунув под блюдечко пару купюр, соскочил с высокого стула. – Добираться-то как будешь?

– Такси возьму.

– Деньги есть?

– Есть, – соврал Дима.

– Чао-какао, – кивнул Егор и махнул рукой. – Не напивайся, тут все очень дорого.

После ухода Егора Диме стало еще тоскливее.

Коньяк выпит, сидеть у стойки бара, не делая заказа, было неудобно, тем более, что бармен бросал многозначительные мрачные взгляды. Дима отошел в сторону, встал за колонну и продолжил наблюдение. Никто не обращал на парня внимания. Он находился в многолюдной толпе, но не стал ее частью, поскольку не считал себя достойным всего этого блеска. И, хотя Дима прекрасно понимал, что среди этих глянцево-целлулоидных лиц и фигур Барби и Кенов львиная доля пришли сюда на тех же птичьих правах, они являлись составляющей частью этой серпантинной феерии, а он – нет. На душе было паршиво.

Дима ощущал себя вором, пришедшим на чужой праздник в надежде стырить фамильное серебро. Он уже пожалел, что не уехал вместе с Егором. Теперь нужно было придумать, как добраться домой.

«Ну их всех, – с неожиданной злобой подумал Дима, – клуб закрывается в шесть утра. Просижу до закрытия, а там и метро откроют».

Девушка с разноцветными волосами удалилась со сцены под жидкие аплодисменты. Вместо нее появился толстенький ведущий с лакированным ежиком на голове. Дима оглядел его чуть ли не с ненавистью. Ведущий частенько мелькал на телевидении, после того как развелся со своей супругой. Прежде они составляли полушутовской дуэт. После развода супруга резко пошла в гору, а вот ведущему везло меньше. Во всяком случае, петь он стал реже, зато на телеканалах мелькал ежесекундно, строя из себя юмориста.

– А сейчас, дорогие мои, – ласково пропел ведущий, – мы объявляем конкурс караоке! Любой желающий может блеснуть своим талантом перед нами, чтобы выиграть главный приз. А призом сегодня станет... станет призом...

Ловким движением фокусника ведущий вынул из кармана что-то маленькое и блестящее.

– Призом станет золотая членская карта ночного клуба «Пурга», позволяющая ее обладателю приходить сюда в любой день!

Последние слова ведущего потонули в звуках фанфар.

На сцену выбежали полтора десятка девочек и мальчиков, среди которых сильно выделялся пузатый мужчина в пиджаке наизнанку. Дима обернулся, натолкнулся на тяжелый мутный взгляд Люксенштейна и отважно шагнул на эстраду. Сердце колотилось отчаянно, как перепуганная птица...

Желающих спеть было больше чем достаточно.

Все по очереди исполняли по трети куплета веселой детской песенки о маленькой елочке. Диме повезло: его соседка, блондинистая девушка, была настолько пьяна, что не могла даже вспомнить, не то что произнести свою часть песни. Дима выхватил у нее микрофон... Когда худенький мальчик в нелепой белой рубашке неожиданно чисто, с яркой и четкой мелизматич-

кой пропел куплет новогодней песенки, сонный взгляд Люксенштейна внезапно прояснился. Он уставился на поющего парня и ткнул Гию Кантридзе в бок.

– Послушай, – прошипел он в ухо грузину. – Это же бомба! Гия, у него голос течет, как ручей по камушкам...

Гия опустил рюмку с водкой. Люксенштейн снова ткнул его кулаком в бок.

– Да не пялся ты на него так откровенно, – прошипел он. – Просчет – прохода не даст: ах, ах, вы продюсер, ах, ах, раскрутите меня...

На сцене осталось всего трое участников: парень в дешевой белой рубашке и две девицы. Им досталось совсем простенькое задание: спеть на троих песню о бедном художнике, продавшем свою недвижимость ради любимой актрисы, дабы устлать ее путь прекрасными розами. Парень спел лучше всех, однако последняя девица, исполняя заключительный куплет, задрала топик и обнажила роскошную грудь. Публика взвыла от восторга, единодушно признав ее победительницей. Ведущий сунул ей в руку клубную карту. Девица взвизгнула и проворно вскабалась на шест для стриптиза, ловким движением руки избавившись еще и от юбки.

Расстроенный Дима, которому в качестве утешительного приза досталась бутылка шампанского, спустился со сцены и побрел к выходу.

Интересно, выиграл бы он, если бы снял с себя штаны? Публика хочет шоу, вот и выбрала эту грудастую телку, наплевав на то, что она пела между нот...

Темная фигура преградила Диме дорогу.

Он сделал шаг в сторону, но фигура повторила его движение. Дима поднял глаза. Перед ним стоял секьюрити с каменным подбородком.

– Вас просят подойти, – невозмутимо сказал он, мотнув подбородком, напоминаящим хоккейную шайбу в неопределенном направлении.

Дима обернулся.

Из-за дальнего столика вверх взметнулась рука и махнула ему: мол, иди сюда! На ватных ногах Дима подошел, заранее зная, кто там сидит.

Люксенштейн, вальяжно развалившийся на кожаном диване, смотрел на него выпуклыми влажными глазами. Дима невольно вспомнил, что читал про такую форму глаз – когда под выпуклым верхним веком зрачок скрывается едва ли не на треть. Такие люди назывались «сипаку», они разговаривали во сне и были подвержены лунатизму. Рядом с Люксенштейном тряс волосами Кантридзе.

– Хорошо поешь, – без интонаций в голосе произнес Люксенштейн. – Учился?

– Учусь, – сглотнув комок в горле, ответил Дима, даже не обратив внимания на то, что ему не предложили присесть. – В Гнесинке, на первом курсе...

– А где работаешь? – равнодушно спросил Юрий.

– В магазине, ночным сторожем... Но сегодня у меня выходной... – срывающимся голосом сказал Дима.

Колени тряслись, как в тот злополучный день, когда ему, тогда еще школьнику, зубные врачи выдирали верхний зуб. Лежа в кресле стоматолога, Дима чувствовал, как ноги откалывают такие коленца, что гопак показался бы постороннему зрителю скучным топтаньем.

Сейчас происходило что-то подобное.

Дима сжал в руке бутылку шампанского, как спасательный круг. Неожиданно подбежавший официант протянул Люксенштейну кожаную книжечку, откуда продюсер вынул свою кредитку. Видимо, за ужин он уже рассчитался, поскольку официант подобострастно кивнул, получил смятую купюру в кулачок и удалился.

Люксенштейн встал, следом поднялся Кантридзе, обойдя Диму, как неодушевленный предмет. Такое ярко выраженное презрение в любой другой момент показалось бы Диме оскорбительным, но в тот момент он был не в состоянии думать. Люксенштейн сделал два шага к выходу, потом повернулся и сунул Диме прямо в карман рубашки визитку.

– Завтра позвонишь по этому телефону, я тебе скажу, куда подъехать, – бесцветным голосом произнес продюсер. – Только не в семь утра. Ближе к вечеру позвони или лучше в обед. Или ты завтра работаешь?

– Работаю, – тупо подтвердил Дима, но потом, спохватившись, добавил: – Но я отпущусь...

Люксенштейн кивнул и выплыл из клуба. Кантридзе суетился вокруг него, как шакал Табаки, следующий за Шер-Ханом.

Дима оторопело смотрел им вслед, не понимая, что только что произошло. Твердая картонка жгла грудь. Он вытащил визитку из кармана. Сверкающая металлическим блеском визитка была настоящей. На ней выпуклыми черными буквами значилось: «Юрий Маратович Люксенштейн, продюсер». И телефон, электронный адрес... Эта бумажка открывала врата в мир параллельный, как киношный билет из голливудского блокбастера, где в главной роли играл нынешний губернатор Калифорнии. Ноги Димы подкосились, и он рухнул на диванчик.

– Неужели... – прошептал он.

Поверить в такое было просто невозможно!

В первый раз в жизни пройти по служебному пропуску друга в пафосный ночной клуб... И в этот же день произвести впечатление своим пением на одного из самых влиятельных продюсеров страны... Разве так бывает?

Нет, это сон, это иллюзия, которая развеется, как дым с первыми лучами солнца. Дима положил визитку на стол, зажмурился и сильно ущипнул себя за ногу. Потом медленно открыл глаза.

Визитка лежала на прежнем месте.

Дима осторожно взял ее, с нежностью смахнув с нее неведь откуда попавшие капли не то воды, не то водки. Где-то в желудке, куда пару минут назад бухнулось что-то тяжелое, как угольные камни, которые они с сестрой, надрываясь, таскали в детстве с железнодорожных вагонов, рискуя задеть головой контактный провод с напряжением в несколько тысяч вольт, разгоралось пламя. Кончики пальцев, которыми Дима касался картонки на столе, стали сначала теплыми, потом горячими. В голове гудело, как те самые тысячевольтовые провода, раскачивающиеся на ветру и искрящиеся от прикосновения друг с другом...

Дима решительно встал с места.

Наплевать, что нет денег, наплевать, что не открылось метро.

Он дойдет до дома пешком!

Хотя бы потому, что сидеть на месте у него уже нет сил.

Его распирало от желания поделиться с кем-нибудь счастьем, разрывавшим его изнутри.

За соседним столиком в компании ошалевших от спиртного и экстази молодых людей обоего пола веселилась полногрудая девица, выигравшая VIP-карту от клуба «Пурга». Дима посмотрел на нее с плохо скрываемым снисхождением.

У него на руках была не просто карта, у него был карт-бланш.

До дома Дима добрался только утром.

События в развлекательном центре «Пурга» разыгрались часа в два ночи. Дима вышел из клуба примерно в половине четвертого.

Москва, грязная, душная и нелюбезная, встретила его неожиданной прохладой.

А что вы хотели?

Осень, осень, господа и дамы, сентябрь...

После душного помещения, где даже обилие кондиционеров, работающих на износ, не справлялось со смрадом, несущим из его нутра, загазованная столица показалась раем на земле. Несмотря на очень раннее утро, по улицам торопились люди, нервно гудели автомо-

били, а желающие прорваться в клуб хотя бы на пару минут все еще бились в истерике, пытаюсь пройти фейс-контроль.

На улице Дима, пожившись, сунул бутылку шампанского в широкий карман. Горлышко угрожающе покачивалось, бутылка стремилась выскочить из кармана и грохнуться об асфальт, разлететься на тысячи осколков. А Диме было чрезвычайно важно дотащить ее до дома. В карманах нерадостно брэнчала мелочь. Взять такси и домчаться до дома с ветерком было нереально, метро еще не открылось.

Ну и ладно!

Запахнув куртку, придерживая локтем бутылку, Дима решительно зашагал в сторону дома.

Москва не спала.

Как поется в известной песне, Москва не спит никогда. Столица гудела, переливалась огнями, но чем дальше оставался центр, тем меньше попадалось машин, тем реже слышались из дворов голоса людей.

Дима летел домой как на крыльях.

Последние пару километров удалось подъехать на открывшемся метро. Заспанная касирша, отчаянно зевая, сунула ему карточку. На эскалаторе не было ни души. Вагон пустовал. Дима уселся на потертый кожаный диванчик и с наслаждением вытянул гудевшие от усталости ноги. Спать хотелось невероятно. Это хорошо, что ехать всего две остановки! Иначе Дима просто уснул бы прямо там, в вагоне и проснулся бы от невежливого толчка машиниста, загнавшего поезд в депо. Хорошо бы сейчас вытянуться на диванчике во весь рост, или, того лучше, свернуться калачиком, накрыться курткой и поспать минут шестьсот...

Но ласковый механический голос под потолком уже подталкивал Диму к выходу, напоминая не забывать вещи в вагоне. Дима зевнул и побрел к эскалатору. Предстояло еще ехать на учебу, а вечером, вечером...

Черт побери, нужно было придумать причину для того, чтобы отпроситься с работы, поискать желающего его подменить! А это непросто, потому как Петрович, сменявший его, мужик вредный и несговорчивый, а второй сменщик, Сашка, как раз ушел на больничный... Люди сновали туда-сюда, обгоняя Диму на эскалаторе.

Понедельник – рабочий день, к девяти и без опозданий, потому что начальник – зверь, на прошлой неделе выгнал Ленку, или Сеньку, или Ибрагима-оглы, без разницы, а ведь они опоздали-то всего на полчаса. Ну, что изменилось от получасового опоздания?

Ан нет, это Москва, Москва, милочки мои, здесь не принято щелкать клювом... На ваше место уже нацелились другие претенденты, а если работа нужна гастробайтерам, то борьба за нее и вовсе походит на свару домашней болонки и оголодавших дворняг...

У Егора горел свет.

Дима миновал свою квартиру и поднялся наверх.

Приятель открыл дверь сразу, без глупых вопросов: «Кто там?»

Дима потянул носом. На горле предательски заходил кадык. Из кухоньки такой же стандартной однокомнатной хрущевки, как и у Димы, несло запахом кофе и огненной, похожей на солнце яичницы, с сочными проплешинами резаного лука.

Егор был уже одет.

– О, появился, – иронично поднял бровь Егор. – Входи. Голодный, как всегда? Маринка позвонила мне уже в два часа, разбудила, спрашивала, где ты шляешься.

– Ей-то какое дело? – пожал плечами Дима, скидывая грязные туфли и вынимая бутылку из кармана.

– Она не одна приехала и не хотела, чтобы ты прервал симфонию бушующей страсти. Просила тебя приютить, если ты явишься ночью. Так что домой тебе хода нет. Ты на занятия пойдешь?

– Пойду, наверное, – задумчиво кивнул Дима, сунув в рот горбушку хлеба. – Куда мне еще идти-то? Маринка, я так полагаю, учиться сегодня отказалась?

– Ну, гранит науки ей в это утро не по зубам, – рассеянно произнес Егор, садясь за стол и честно разделяя дымящуюся в сковороде яичницу на две части. – Кофе варить не буду, опаздываю. Если хочешь, можешь оставаться и спать. Я так полагаю, что из тебя сегодня тоже ученик никудышный.

– Я на прошлой неделе уже два раза пропускал, – невнятно пробурчал Дима, набивший рот восхитительной массой из жареных яиц и лука. – Меня уже предупреждали, что добром это не кончится. Так что пойду. Отосплюсь на парах. А потом мы с тобой отпразднуем наш вчерашний поход.

– А что, есть что праздновать? – с любопытством сверкнул глазами Егор. Дима гордо задрал нос, порылся в кармане и вытащил из нее любовно взлелеянную визитку Люксенштейна. Егор округлил глаза.

– Сам ко мне подошел, – похвастал Дима. – Предложил прослушать меня. Ну и велел позвонить сегодня.

Егор ехидно ухмыльнулся.

– Давай, звони. Ты слышал, что я тебе вчера говорил? Юре свежее мясо требуется.

– А мне по фигу, – решительно произнес Дима. – Это шанс, понимаешь, шанс! Я хочу быть артистом и ради этого на что угодно пойду.

– Мне нравится ваша решимость, Дмитрий, но не нравятся ваши методы, – неодобрительно покачал головой Егор.

– Гош, тебе не понять этого.

– Почему это?

– Да потому, что ты никогда не был бедным! Папочка купил эту квартирку, тебе есть, что есть, есть, что пить, и есть, что надеть. Тебе не приходится учиться днем, работать ночью. У тебя хорошая работа и вполне предсказуемое стабильное будущее. А я? Так и проторчу в магазине всю жизнь, а потом, даже если нормально закончу Гнесинку, буду подвывать в хоре в седьмом ряду, в то время как какой-то безголосый Влад Голицын огребает бешеные деньги за фанерные концерты. Я хочу большего. Я не Влад, я петь умею. И не буду разбазаривать все, что заработаю. Буду откладывать деньги, чтобы иметь возможность потом выбраться из кабалы.

– Ну-ну, – скептически протянул Егор, поднимаясь из-за стола. – Как говаривал знаменитый Денис Алкин, изображая не менее известную Агату Маринову, – предохраняйтесь! Ты идешь? Мне пора.

– Иду, – кивнул Дима, закидывая в рот громадный кус яичницы, обжигаясь и чертыхаясь. – Бутылку у тебя оставляю. Ты сегодня надолго?

– Вряд ли. Спать хочу, как суслик, – скривился Егор, открывая входную дверь. – Сдам материалы, отработаю текучку и сбегу как будто на задание. Сегодня понедельник, особой работы не будет. Часа в четыре буду дома. А ты?

– А я позвоню Люксенштейну после трех часов, а там как попрет. Может быть, если повезет, сегодня же поеду на прослушивание. Одолжи пару сотен? У меня зарплата через неделю, я сразу отдам...

Егор сунул Диме пару сотенных купюр и запер дверь. Жесты у Егора получались аристократическими, изящными и естественными. Диме вспомнился роман Дюма. Именно руки Атоса, который совершенно не обращал на них внимания, приводили в отчаяние Арамиса, столь тщательно холившего свои.

– Спасибо, – пряча деньги в карман, сказал Дима. – На телефон надо хоть сотню положить, а то я в бесконечном минусе. Как я тебе позвоню-то с великими новостями, если у меня денег на счету не будет?

– Да с любыми новостями звони, – сказал Егор. – Мне интересно, чем там у вас дело кончится.

– А чем оно должно кончиться? – осведомился Дима, спускаясь по лестнице.

– Свадьбой! – рассмеялся Егор и ткнул его кулаком в спину. – Садись в машину, подброшу до вашей шарашкиной конторы.

Люксенштейн назначил встречу Диме у себя. С занятий пришлось сбежать, впрочем, ради такого дела – не жалко. «Пару» актерского мастерства, которую преподавал сам Шаталов, пропускать не хотелось. На его занятиях студенты никогда не скучали. Но что поделать? Судьба подбрасывала единственный шанс, второго такого случая могло и не быть.

Дом известного продюсера находился в сталинской высотке в самом центре Москвы. Добраться туда можно было без особого труда, от метро всего пара шагов. А вот пройти внутрь было весьма проблематично. На входе в подъезд непрошенных гостей встречал самый настоящий турникет и охранник с мощными металлическими плечами и полным отсутствием интеллекта на челе. Он долго и придирчиво изучал Димин паспорт, бухтел в телефонную трубку, да еще потом обыскал парня с ног до головы. Пропустить наверх Диму ему все-таки пришлось, но сделал он это с таким вздохом, точно старый цэрэушник, принявший за Бен Ладена скромного торговца шаурмой.

За тяжелой створкой из металла, стилизованного под натуральный дуб, гремела музыка. Дима дважды нажал кнопку звонка, пригладил взъерошенный ежик волос и придал лицу приятное выражение. Спустя минуту дверь открылась. На пороге стоял молодой блондин, который являлся составляющей частью эстрадного трио «Тротил». На блондине была умопомрачительная рубашка под крокодиловую кожу и потертые джинсы эксклюзивной работы. Довершали ансамбль лакированные туфли с острыми носами и пудовая золотая цепь на мощной шее бывшего стриптизера. Он вопросительно дернул подбородком: мол, чьих будешь, холоп?

– Я к Юрию Маратовичу, – робко сказал Дима.

Блондин скривился и оглядел Диму с ног до головы. Не сделав ни одного шага в сторону, он лишь распахнул дверь сантиметров на десять пошире. Для того чтобы протиснуться, Диме пришлось едва ли не прижаться к мускулистому торсу, благоухающему дорогой туалетной водой и свежим потом.

Заперев дверь, блондин приглашающе мотнул белой гривой и, покачивая бедрами, пошел по узкому коридору в сторону гремевшей музыки. Дима покосился на свои старенькие кроссовки: может, снять? Но блондин был обут, и Дима, махнув рукой, пошел следом, украдкой озираясь по сторонам.

Вокруг было... богато.

Но даже для не развращенного роскошью взгляда Димы богатства было чересчур много. Дорогие обои переливались металлическим блеском. Со стен смотрели диковинные рожи африканских божков и леопардов. На потолке сияла громадная хрустальная люстра, которой больше подошло бы украшать концертный зал средних размеров, а не коридор хоть и большой, но все же всего лишь квартиры. Пол устилал пошловатый ковер, имитирующий шкуру леопарда. На шкафчиках и полочках переливались безделушки всех фасонов и цветов. В гостиной сидела целая толпа – так показалось Диме вначале. Слегка растерянный, он только через полминуты понял, что в комнате всего пять человек, не считая его: парни из группы «Тротил», сам Люксенштейн в пестром китайском шелковом халате и какое-то странное существо бомжеватой наружности. Дима не сразу сообразил, что это виденный им этой ночью Гия Кантридзе – вид у того был самый непотребный. Все остальные привидевшиеся гостю фигуры оказались лишь бесконечными отражениями в многочисленных зеркалах.

Под глазом у Гии наливался бланш и, кажется, были выбиты зубы. Его локоны, которыми он гордился, были острижены под самый корень, рубашка разорвана по шву, пуговицы на груди

отсутствовали, только одна, чудом уцелевшая, была застегнута на животе. В разрезе виднелась чахлая, поросшая густыми волосами грудь. Над поясом торчал изрядный пивной животик. Кантридзе держал в руках вилку, с которой свешивался кус мяса. Приход Димы никак не отразился на разглагольствованиях Кантридзе. Он бросил на Диму косой взгляд и продолжил орать охрипшим голосом:

– ...я вообще не понимаю, на что он обиделся! То, что он возомнил себя звездой, не дает ему права так поступать с прессой. Да, я влез в его личную жизнь. Но он какой-никакой артист... Он выбрал публичность! И должен быть готов к тому, что рано или поздно о его делишках узнают...

Гия на секунду замолчал, но лишь только для того, чтобы отхлебнуть вина. Люксенштейн махнул Диме рукой, мол, садись. Дима присел на краешек дивана, стараясь держаться подальше от вилки в руке Кантридзе, которой тот махал излишне экспрессивно.

– Ну, спишь ты с собственным охранником, и что? – возмущался Кантридзе. – Ты ж звезда! Либо трахайся так, чтобы никто про это не знал, либо готовься к заголовкам в газетах. А он, видите ли, обиделся...

– Может, это не Алмазов? – предположил Люксенштейн.

– А кто? – взорвался Гия. – Папа римский?

– Да мало ли про кого ты писал...

Гия махнул рукой, отхлебнул вина и сморщился, схватившись за челюсть.

– В последнее время я писал только про него! Вся эта история про то, что он нанял себе охранника для интимных утех, вылезла наружу на прошлой неделе. До меня об этом никто не писал, ну, разве что пацан один из газетки «Желтуха». Но у него связей не хватило докрутить эту историю до конца. И что мне теперь делать? Он же в суд подал, да еще вот... – Гия повернулся к зеркалу и с отвращением запустил пальцы в проплешины на голове.

– Феерично, – хмыкнул Люксенштейн.

– Феерично, – передразнил Кантридзе. – Да я на люди не могу показаться в таком виде.

– Побрейся наголо, – посоветовал Юрий и повернулся к Диме. – Угощайся, мы тут пока поговорим...

– Спасибо, я... не голоден, – соврал Дима, отводя тоскливый взгляд от стола.

Скатерть-самобранка ломилась от всякой снеди. Тут была и красная рыбка, и икра в открытой банке, в которой по-простецки торчала столовая ложка. В центре на широком блюде была выложена небрежно разломанная курица-гриль, рядом с которой привалилось нарубленное щедрыми ломтями копченое мясо. Разные баночки, скляночки, тарелочки и блюдца свидетельствовали, что подобная роскошь тут отнюдь не в диковинку...

Не доедают, не допивают...

«Эй, человек, почки заячьи царице один раз!» «Принесите мне вон тот кувшин, мы в него будем кости бросать...»

Дима сглотнул и отвернулся, разглядывая комнату.

Гостиная была шикарна, как и вся жилплощадь, но во всем этом варварском великолепии явно не хватало чего-то очень важного.

Дима сразу понял это.

Крохотная квартирка соседа Егора и шикарные апартаменты продюсера были схожи в одном: и там, и здесь к убранству явно не прикасалась женская рука. Егору заводить семью было некогда, да он и не стремился к этому. Квартира Люксенштейна была холостяцкой берлогой, куда тот заваливался, чтобы отдохнуть от семьи. Ведь если верить прессе, семья у Юрия имела: жена и двухлетний карапуз. Впрочем, супругу Люксенштейна в тусовках никогда не видели. Она сидела дома, скучала или ходила по салонам и магазинам, передавая права на воспитание ребенка многочисленным нянькам и мамкам, как в сказке о царе Салтане. Работа Люксенштейна была для нее вечным табу. Они познакомились на прослушивании, где юная

неопытная Оксана, чудом попавшая в приемную Люксенштейна, пыталась самовыразиться в том, что она считала вокалом. Пение Оксаны продюсер забраковал сразу. Однако с прослушивания не отпустил, пригласив в ресторан, а потом вот в эту самую квартиру. Оксана провела вместе с Люксенштейном два дня, в течение которых продюсер задавал ей разные вопросы, в основном касающиеся ее здоровья, а также родственников. Девушка тогда не поняла, почему Юрия так порадовало, что у нее из родни – одна престарелая бабушка, да и та где-то на Украине, а здоровье позволяет Оксане таскать ящики в винно-водочных магазинах, где она подрабатывала в предвкушении карьеры певицы. По истечении двух дней продюсер сделал Оксане странное предложение: выйти за него замуж, но при этом распрощаться с мыслью об успехе.

– Ты должна родить мне ребенка, в идеале – сына, – вкрадчиво пояснял Юрий своим обволакивающим голосом. – Сцена что? Завтра есть, послезавтра нет. Я обеспечу тебя на всю жизнь, но ты должна родить мне здорового наследника.

Оксана согласилась. В предложении не было ничего ужасного, тем более что в постели она не испытывала отвращения к Юрию. Да, немолод, и на мачо-любownika продюсер не тянул. Оксана заметила, что в постели Юрий словно делал нудную и не очень приятную работу.

Оксана забеременела почти сразу. Как только Юрий узнал о том, что станет отцом, он отгрохал шикарную свадьбу. Оксана была счастлива. Ее не расстраивало даже то, что на церемонии не присутствовали родственники с ее стороны. Бабушка была слишком стара и больна, чтобы приехать поздравить внучку, а немногочисленных подружек, появившихся в Москве во время скитаний в закулисном пространстве, Юрий приглашать не разрешил. Подружкой невесты была модная Аксинья Гайчук, другом жениха – молодой певец, протеже Люксенштейна Влад Голицын.

Гости на свадьбе упились в дым.

Оксана поначалу с радостью принимала льстивые поздравления и подношения раскрученных гостей из светского общества, но очень скоро «бомонд» ей наскучил. Ну, и чем он отличается от той же дискотеки в Новолипках? Вон гламурная и пафосная Гайчук поливает брашно опрокинувшего на нее бокал официанта. Тот краснеет и закрывает глаза, такого отборного мата Оксана не слышала даже от деревенского тракториста дяди Леши! Чуть поодаль совершенно пьяный телеведущий Александр Галахов показывал стриптиз, демонстрируя недавно подкачанное до внушительных выпуклостей тело. В бассейне, в вечернем платье, колыхавшемся прозрачной медузой, болталась изрядно окосевшая Маша Скуратова, с силиконовых губ которой текла помада прямо на арбузные груди. В уголке, курчавый, как пудель, политик Немчинов в компании с безголосой певичкой Танечкой Евсеевой скромно терли носы, стряхивая кокаин, которым угостились в туалете, не особенно прячась от общественности. Выпивка лилась рекой, замученные официанты сновали в жарком, сверкающем стразами людском океане, как шустрые сельди.

– А где наш молодой? – вежливо осведомился Виктор Дербышев, композитор и продюсер, на кастинг проекта «Созвездие» которого Оксана так и не попала, срезавшись на отборочном туре. Дербышев лучезарно улыбнулся, растянув свои толстые губы до самых ушей. Глядя на его маленькие, слегка заплывшие глазки, Оксана невольно подумала, что с его крупными чертами лица, мясистым носом и толстыми пальцами он похож скорее на поросенка, чем на известного композитора. Ну вылитый хряк тети Стеши, который задирает свой пяточок, когда его приходили покормить!

– Где-то с гостями, – улыбнулась Оксана. – Минут пять как отошел куда-то...

На самом деле новоиспеченный супруг отсутствовал уже как минимум полчаса. Оксана начала тяготиться своим одиночеством. Тем более что изрядно подпившие гости уже не обращали на нее никакого внимания. Их гораздо больше интересовала совместная пляска на столе Гайчук и Галахова. На парочке уже почти не осталось никакой одежды. Галахов лил на Акси-

нью что-то, смахивающее на шоколадный сироп, и слизывал коричневые потоки с ее небольших грудей. Гайчук притворно стонала, изображая томную страсть...

Оксана сунула пустой бокал официанту и отправилась искать супруга.

Люксенштейна нигде не было видно. Оксана обошла зал ресторана и направилась во внутренний дворик. Там тоже было многолюдно, но среди курящих и болтавших о разных пустяках людей Юрия она не заметила. Оксана поджала губы и пошла обратно в зал, по пути налетев на певицу Соню, которую за немалые бабки раскручивал Люксенштейн.

Соня была хороша и об этом прекрасно знала. Певица из нее была не ахти, о чем она смутно догадывалась, стараясь компенсировать недостаток таланта обилием секса в клипах и склочным характером. Оксана видела Соню до свадьбы всего пару раз, и оба раза Соня вела себя несколько странно. Не сказав Оксане вроде бы ни одного обидного слова, она, как говорится, опустила ее ниже плинтуса...

– Привет, – буркнула Соня. – Классное платье. Юрия ищешь?

– Спасибо, твоё платье тоже очень красивое, – автоматически ответила комплиментом Оксана. – Ты его видела?

Соня вытащила из сумки пачку длинных дамских сигарет и неспешно прикурила, всем своим видом показывая, как она презирает новую жену своего продюсера.

– Да, видела, – небрежно сказала она. – Буквально пару минут назад, на втором этаже. Они с Голицыным обсуждали какой-то проект.

Глаза Сони насмешливо блеснули. Знай Оксана певицу подольше, наверняка бы заподозрила подвох, но сейчас, удрученная отсутствием мужа, она торопливо поблагодарила и побегала вверх. Соня злобно усмехнулась ей вслед, бросила едва раскуренную сигарету на пол и, крадучись, пошла следом за Оксаной.

На втором этаже было пусто и душно.

Оксана нерешительно остановилась на верхней ступеньке и позвала мужа. Ей никто не спешил ответить. В коридоре второго этажа было тихо, и только где-то в глубине играла музыка и слышались глухие голоса.

Оксана пошла вперед. Да, за одной дверью что-то жило и двигалось...

Толстые ковры на полу сделали шаги Оксаны совершенно бесшумными. Она подумала, что не будет ничего страшного, если она ненадолго прервет переговоры Юрия и Влада, ведь гости ждут внизу! Нехорошо оставлять их без хозяев праздника надолго. Оксана взялась за ручку и потянула ее вниз... Картина, которую Оксана улицезрела в приоткрытую дверь, повергла ее в шок. В кабинете Влад Голицын со спущенными штанами опирался на массивный стол, а позади него, вплотную – молодой супруг Юрий Люксенштейн. Его движения были нервными и прерывистыми, сопровождаемыми глухими шлепками. Влад жмурился, стиснув зубы, длинная челка закрывала лицо.

Оксана, не в силах больше смотреть на происходящее, закрыла дверь и повернулась. За спиной стояла Соня.

– Ну как спектакль? – ехидно осведомилась она.

– Пошла ты... – ответила Оксана и оттолкнула Соню с такой силой, что та отлетела к стене, заверещав, как свинья, на которую неожиданно кто-то наступил. Шлепки и постанывания за закрытыми дверями смолкли. Оксана чувствовала себя гадко, как никогда в жизни. Золото и бриллианты, которыми, как еще недавно казалось, будет выстлана вся ее дальнейшая жизнь, оказались дешевой бижутерией, карета – подгнившей тыквой, хрустальные башмачки немилосердно жали, а принц, прекрасный принц, будущий правитель империи – оказался...

А она, дурочка, поверила в сказку о Золушке!

Шикарное платье стало вдруг душным и тесным, корсет стискивал талию в медвежьих объятиях. Оксана выбежала во дворик, в котором на этот раз почему-то не было ни души,

уселась на ажурную металлическую скамейку, не обращая внимания на то, что подолом метет заплеванные окурки, и расплакалась.

Кто-то подсел рядом, молча и почти незаметно. Оксана нервно отодвинулась, думая, что это супруг или того хуже – мерзкая Соня. Но тут наманикюренная ручка протянула Оксане носовой платок, который та взяла не глядя, вытерла слезы и высморкалась. И только после этого повернулась и увидела Аксиныю Гайчук, растрепанную, влажную от пота, с размазанным макияжем. На ее некрасивом, вытянутом лице с массивной челюстью читалось участие.

– Ты чего тут ревешь белугой? – недоуменно произнесла она.

Оксана, которая только что с большим трудом смогла обуздать клокочущее в груди отчаяние, разревелась снова и неожиданно для самой себя выплеснула сжигающую ее обиду. Она рассказала все девице, которую видела всего третий раз в жизни. Оксана ожидала, что Гайчук начнет охать и ахать, а потом понесется рассказывать всем «горячую новость». И тогда позора не избежать! Но Аксиныя молчала. Она выслушала, потом вытатила сигарету и закурила, протянув пачку Оксане. Та замотала головой, отказываясь.

– Вот что я тебе скажу, подруга, – весомо произнесла Гайчук. – Ты о том, что увидела, лучше забудь. То, что Юрик периодически спит с мальчиками, всем хорошо известно, просто об этом не принято говорить. И про то, что женился на тебе для отвода глаз, все знают. Тебе в этой ситуации надо вести себя мудро.

– Да пошел он, – злобно выдохнула Оксана. – Завтра же на развод подам.

– Ну и дура, – грубо оборвала ее Аксиныя. – Ты что, думала, в сказку попала? Уясни себе одну простую вещь: в шоу-бизнесе мужиков нет, есть только проститутки мужского рода. Тут все продаются за пятак. Чего ты возмущаешься? Муж-педик? Ха!

Гайчук затянулась и с шумом выпустила дым.

– Да на нашей сцене из натуралов остались только Шниферсон и Лев Данченко, да и то лишь потому, что им в обед сто лет. Остальные торгуют своей задницей направо и налево. Но для прессы и общественности все они стопроцентные мужики. И жены их с придыханием рассказывают, какая у них крепкая семья, как они любят друг друга и все такое...

– Но это же бред, – возмутилась Оксана.

– Это не бред, а плата за сказку. И тебе надо научиться так жить. Родишь Люксенштейну ребенка и будешь в шоколаде всю оставшуюся жизнь. Для души и тела заведешь себе любовника помоложе, в идеале – с ведома мужа. И будет у вас полный ажур. У него своя личная жизнь, у тебя своя, а для прессы и лоховатой общественности будете изображать счастливую семью.

– Я так не смогу.

– Сможешь, – криво усмехнулась Аксиныя, выпуская из носа клубы дыма. – Когда поймешь, каким дерьмом была твоя прошлая жизнь по сравнению со всем этим...

Она повела рукой, показывая на шикарный ресторан, ткнула пальцем в бриллиантовые серьги и колье на шее Оксаны, на кольцо с большим солитером.

– То, что твой муж спит с молоденькими мальчиками, лишь малая плата за красивую жизнь. Поначалу будет трудно, но постепенно привыкнешь. А он компенсирует свои «недостатки» деньгами и брюликами. И поверь мне, это гораздо приятнее, чем терпеть рядом престарелое тело с амбициями.

– Я думала, у нас семья будет, – как-то жалко произнесла Оксана.

Гайчук рассмеялась хищным смехом сытой гиены, обнажив крупные плотоядные зубы.

– Семья... да кому она нужна, эта семья? Живи, девочка, в свое удовольствие, наслаждайся. Привыкай, короче. А сейчас вот тебе косметичка, иди в туалет и как следует умойся. У тебя все-таки свадьба. Начинай привыкать к своему новому статусу.

И Оксана стала привыкать.

Юрий ни словом не упомянул о произошедшем, появившись вместе с Владом на празднике. Оксана присоединилась к мужу через четверть часа, с красными глазами, но улыбающаяся и с виду вполне счастливая. Соня нервно хихикала в сторонке и о чем-то шептала пьяному Кантридзе.

После свадьбы Оксана видела мужа редко. Бывало, неделями не слышала даже его голос. И, как предсказывала Аксинья Гайчук, к этому тоже можно было привыкнуть. Роскошное безделье изо дня в день, шикарные магазины, в которых можно было купить все, что угодно, изысканная еда, новые подружки – жены таких же богатых мужчин, часть из которых работала в шоу-бизнесе... После рождения наследника маленькой империи Люксенштейна жизнь Оксаны почти не изменилась, разве что она стала потихоньку встречаться с сыном соседа, банкира Серова, недавно сменившего сорокалетнюю жену на молоденькую модельку с тощими ножками и отсутствующим взглядом. Сын Серова был всего на пару лет моложе Оксаны, так что они прекрасно ладили друг с другом.

И все же Оксане было на что пожаловаться.

Смертельная скука преследовала ее ежедневно. Вечеринки и приемы быстро приелись. Она по-прежнему не видела никакой разницы между светским обществом Москвы и сельским клубом родной Новолипки. Москвичи, кстати, были еще хуже. Наглые, жадные, искренне считающие, что мир принадлежит им, они не стеснялись жить по принципу курятника: клевать ближнего и гадить на нижнего. Оксана старалась привыкнуть к этому, как и к постоянным отлучкам мужа в его холостяцкое гнездышко.

Парни из трио «Тротил» нестройной шеренгой потянулись к выходу. Блондин промямлил, что им завтра рано вставать и ехать на съемку. Люксенштейн милостиво кивнул. Дима снова бросил взгляд на стол, сглотнув слюну. Гия, заметивший этот взгляд, наклонился к уху Юрия:

– Пацан жрать хочет, а взять стесняется. Давай выйдем? Тем более что тебе, я так думаю, надо его... прослушать...

Слово «прослушать» Гия произнес весьма многозначительно, очевидно, полагая, что на «прослушивание» пригласят и его. Юрий частенько заставлял молодых парней ублажать не только его, но и его друзей и собутыльников, к коим относился и Кантридзе. Правда, это большей частью распространялось на безголовых бездарей, решивших, что одна ночь с крупным продюсером что-то изменит в их жизни. Своими настоящими «проектами» Люксенштейн ни с кем не делился. Каждого из трио «Тротил» он «прослушивал» самостоятельно, по несколько раз до того, как сколотил из них группу, да и позже парни периодически оставались с Юрием, радуя его стареющее естество.

– Ты угощайся, а я пойду Гию провожу, – произнес Люксенштейн, поднимаясь с дивана.

Гия нехотя поднялся и нервной трусцой последовал к выходу, не переставая жаловаться на коварного Алмазова, лишившего его волос и репутации отважного разоблачителя псевдозвезд. Они вышли за дверь и притаились в коридоре. Гия скорчился от беззвучного хохота, глядя, как Дима жадно набивает себе рот едой. То, что парень был смертельно голоден, почему-то показалось Кантридзе невероятно забавным. Люксенштейн сурово посмотрел на Гию, но его и самого порадовало, что пришедший на прослушивание парень мечет со стола, как голодный волчонок. У парня прекрасный голос, он хорош собой, в перспективе из него можно вылепить настоящего артиста! Дела его идут не блестяще, а значит, не будет капризничать и легко согласится на все условия.

Проводив Кантридзе, Люксенштейн несколько минут сидел на кухне, курил сигару. Выждав десять минут, Юрий вошел в комнату. Дима вскинул на него испуганные глаза и покраснел, не зная, куда деть обглоданную почти до косточки куриную ногу.

– Кофе будешь? – буднично спросил Люксенштейн.

Дима нервно замотал головой – мол, «нет!», потом так же нервно кивнул.

– На кухне возьми и мне принеси, – устало сказал Юрий, развалившись на диване. – Сахар в шкафу, мне два кусочка. Чашки там же.

Дима мгновенно испарился.

Юрий заметил, что косточку он забрал с собой, чтобы обглодать ее в спокойной обстановке. Кофе Дима принес через минуту. Чашки были мокрыми, очевидно он сполоснул их перед тем, как налить.

Пили молча.

Дима не решался начать разговор. Юрий же, предвкушая скорую развязку, смотрел на Диму сквозь ресницы. Тот нервно ерзал на месте.

– Знаешь песню, которую Влад вчера пел? – вдруг спросил Юрий. – «Прощай» называется...

– Знаю, – смущенно признался Дима.

– Спой мне ее. Прямо так спой, акапельно.

Дима откашлялся и запел.

Юрий расслабленно лежал на диване, стараясь скрыть нарастающее возбуждение и восторг. В исполнении этого мальчика песня приобрела совсем другое звучание. Она стала трогательнее, чище и искреннее. Дима старался изо всех сил, вкладывая в незамысловатые слова всю душу.

– Хорошо, – произнес Люксенштейн со странной интонацией в голосе. – Только одно замечание. У тебя горло не прогрето как следует. Прежде чем распеться, нужно было выпить рюмку коньяку. Я бы налил, чтобы ты спел еще раз, но, похоже, бутылка уже пуста.

Дима перевел взгляд на пустую тару на полу.

Ему хотелось заплакать. Он даже хотел предложить сбежать в ближайший магазин за коньяком, но тут он вспомнил, что у него нет денег.

– Впрочем, есть способ не хуже, – вкрадчивым голосом произнес Люксенштейн.

– Я могу сходить на кухню и сделать гоголь-моголь, – предложил Дима.

– Не нужно никуда ходить, – улыбнулся Люксенштейн, распахивая халат.

Дима колебался лишь секунду...

Домой Дима вернулся только на следующий день, после ночи, сильно смахивающей на оргию. Продюсер был неутомим, Дима же мужественно терпел все, всерьез полагая, что от этого зависит его дальнейшая судьба. Ощущения были омерзительными. Зажмурившись, он кусал подушку от унижения и боли...

Егор, как ни странно, был дома.

Марина тоже сидела у него, в тонком халате, несмотря на довольно прохладную погоду. Ее простенькое лицо блистало свежим аляповатым макияжем. Марина сидела за столом, закинув ногу на ногу. Егор, увидев Диму, столь явно вдохнул с облегчением, что Дима позлорадствовал. В последнее время Марина его угнетала, а ее бесконечные сексуальные эксперименты с мужиками категории «кошелек на ножках» изрядно надоели. Запираясь в квартире, Марина плевать хотела на то, что Диме тоже нужно было где-то ночевать, и не открывала, как бы он ни стучал и ни звонил. В итоге Диме то и дело приходилось спать у Егора в лодке, на узком, как боковая полка плацкартного вагона, диване. Егор мужественно терпел неудобства, но Дима не мог не понимать: ему это совсем не по душе.

Марина ела мармелад, который явно купила сама, поскольку мармелад обожала, как пресловутая няня из сериала. Егор сладкое не ел и томился, не чая избавиться от надоевшей гостьи. На Диму Марина посмотрела с неудовольствием: он помешал ей совращать Егора...

Дима бросил в угол пакеты, по-хозяйски налил себе чаю. Из пакетов посыпались упакованные в целлофан модные шмотки с хищными лейблами. Дима подавил ядовитую усмешку, видя, как округлились глаза Марины.

– Дима, – с плохо скрываемой завистью в голосе, спросила Марина, – ты что, ограбил банк?

– Не ограбил, а сорвал, – с гордостью ответил Дима, отметив про себя, что голос Марины дрожит.

Она недоуменно смотрела на него, а потом, не выдержав, принялась потрошить пакеты, то и дело издавая возгласы удивления. Лицо Егора было непроницаемым, однако он явно понимал, что произошло. Марина рылась в вещах, прикидывала их на себя, словно не понимая, что тряпье мужское, стонала, как раненая кошка, всхлипывая от ничем не сдерживаемой зависти.

– Димка, – прерывающимся голосом сказала она, – тут барахла штуки на две баксов, если я не ошибаюсь. А я не ошибаюсь. Откуда у тебя деньги? Ты правда в казино выиграл?

– Вот еще, – самодовольно произнес Дима, раздуваясь, как барабан. – Люксенштейн дал. Мы с ним заключили контракт. Он берет меня под свое крыло...

Марина, подошедшая было к зеркалу, охнула и села мимо кресла, прижав фирменную кофту к груди.

– К-как Люксенштейн? – пролепетала она. – Когда? Где ты с ним познакомился?

– Позавчера, в клубе, куда мы с Егором ходили, – небрежно произнес Дима. – Я спел под караоке и привлек его внимание, он пригласил меня на прослушивание. Вчера вечером я спел для него у него на квартире – и все, дело в шляпе! Он мне денег дал, сказал, чтобы я поприличнее оделся...

Дима осекся, решив, что обо всех нюансах прослушивания лучше умолчать.

По лицу Егора скользнуло что-то непонятное: не то огорчение, не то сочувствие. Во всяком случае, брови чуть заметно дернулись вверх, а губы непроизвольно сжались. Марина ничего не поняла. Она подлетела к Диме и начала дергать его за руку, как надоедливый ребенок, выпрашивающий у родителей сладкое:

– Димочка, а можно я с тобой к нему схожу? У меня и репертуар готов, можно альбома три записать, как минимум... Ты же знаешь, что я талантливая! Хотите, я вам сейчас спою свою новую песню?

Марина открыла рот, однако Егор решительно поднялся с места:

– Все, господа хорошие, концерт по заявкам окончен! У меня через час встреча, двигать надо. Давайте скоренько к дверям и там пойте все, что вам заблагорассудится.

– А тебе в какую сторону? – спросил Дима.

– А тебе?

– Подбросишь до работы? Мне надо вещи забрать.

– Подброшу, – согласился Егор. – Маринка, давай, на выход! Цигель-цигель, ай лю-лю!

– Дима, – канючила Марина, – ну можно я с тобой поеду?! Я уже полгода пытаюсь к нему прорваться, ну что это за невезуха? Я все ноги сбила, туда-сюда бегая, а меня к нему на пушечный выстрел не подпускают... Ну, пожалуйста!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.